

ПИОНЕР

Серёже Алёшкину восемь лет. Осенью 1942 года бойцы одной гвардейской дивизии нашли его в лесу около деревни Грынь, Орловской области. Серёжа прятался там от немцев, заявивших деревню и убивших его маму. Бойцы взяли Серёжу в свою дивизию, и он отважно переносил все невзгоды и трудности фронтовой жизни.

У Серёжи теперь есть отец — полковник товарищ Воробьёв. Во время одного из налётов немецкой авиации полковника Воробьёва завалило землёй в блиндаже. Только Серёжа видел это. Он разыскал бойцов и привёл их к засыпанному блиндажу. С тех пор полковник Воробьёв зовёт Серёжу своим сыном.

Сейчас Серёжа Алёшкин учится в Суворовском училище в Туле.

На снимке: урок английского языка. «I am a pupil» — «Я ученик», — крупно пишет Серёжа.

Фото Г. Санько.

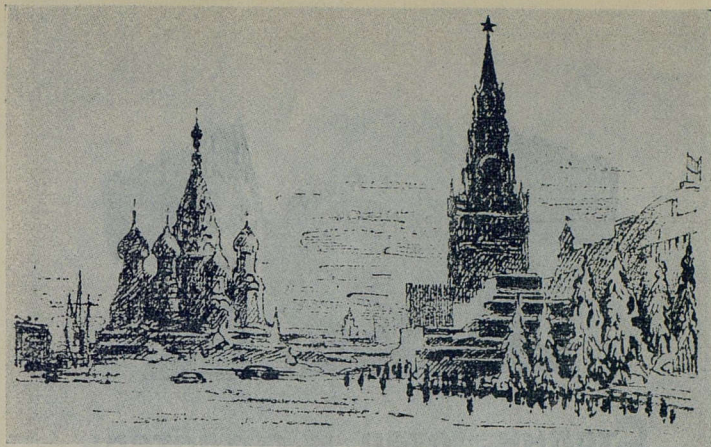

Сестра Владимира Ильича Ленина, Анна Ильинична, в своих воспоминаниях о детских и школьных его годах рассказывает, как рано и как серьезно полюбил он книги. Здоровый, резвый, любивший шумные игры и беготню, он в то же время ещё в детстве умел глубоко сосредоточиться на уроке, на чтении.

Пяти лет выучившись у матери читать, он с большим интересом читал детские журналы и книги, которых семья Ульяновых получала много. Книги стали его друзьями на всю жизнь. В старших классах гимназии Володя Ульянов уже почти не расстаётся с книгой. Так с книгой в руках и нарисовал Ленина-гимназиста художник Н. Жуков.

НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

С. Маршак

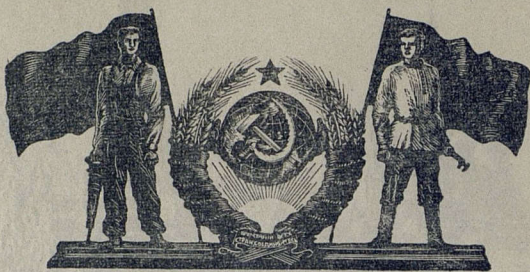
Рис. В. Алфеевского

Встало солнце огневое,
И, снежком пыля,
Зимний холод тронул хвою
У стены Кремля.

Тронул инеем ступени
И гранитный свод,
Где одно лишь слово «Ленин»
Начертал народ.

Часовым пора смениться,
И звенит земля
Перед ленинской гробницей
У стены Кремля.

Сталин — отец и создатель нашей Конституции

*Рассказ делегата Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда Советов
сталевара завода «Серп и молот»*

Ивана Константиновича Лысакова

Рабочие завода «Серп и молот», где я проработал сталеваром 30 лет, избрали меня в 1936 году делегатом на Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд Советов. На съезде нам предстояло обсудить и принять Конституцию — Основной Закон нашей страны.

25 ноября, в день, когда открывался съезд, я ещё задолго до назначенного времени пришёл в Кремль. Зал Большого Кремлёвского дворца быстро заполнялся делегатами. Тут были посланцы со всех концов нашей страны — русские, украинцы, белорусы, казахи, грузины. Многие пришли в своих национальных костюмах. Пели песни — каждая делегация на своём родном языке.

Нам роздали проект Конституции. Мы и раньше читали его и обсуждали с рабочими. Но теперь, дожидаясь той минуты, когда товарищ Сталин поднимется на трибуну, чтобы доложить съезду о проекте Конституции, и я и другие делегаты ещё раз перечитывали все разделы Конституции. Мы все были очень взволнованы: ведь нам предстоит утвердить навеки этот замечательный закон, по которому будет жить и процветать наша любимая Родина.

Не буду вам рассказывать о том, как встретили делегаты товарища Сталина, — об этом не рас-

скажешь. Скажу только, что минут двадцать аплодировали мы, не давая ему начать говорить. А Сталин аплодировал вместе с нами. Мы улыбались, и он улыбался. И всем видом своим, всем существом показывал, что так же рад он встрече с нами, как мы рады встрече с ним.

Говорил товарищ Сталин просто, спокойным, ровным голосом. Да и зачем ему было повышать голос, когда каждое его слово, казалось, само падает в душу, связывается с другими словами и получается цепочка, которую никакой силой не разорвать?

Он начал с того, что разобрал, почему нужна новая Конституция, какие изменения произошли в жизни нашей страны. В этом месте доклада многие делегаты, особенно пожилые люди, подумали, наверное, о себе, вспомнили своё прошлое. Вспомнил прошлое и я. Вспомнил, как молодым парнем пришёл в 1914 году заниматься на завод к заводчику Гужоу. Что было у меня тогда? Пара здоровых рук да голодный живот. Какими правами я обладал? Никакими. Каждый хозяйский приказчик, каждый городской мог ткнуть меня в зубы, а я — молчи! Не нравится работа, не нравятся оплата — марш за ворота! Здоровых рук да голодных животов было сколько угодно. А теперь вот я владею, совместно со

всем народом, всеми орудиями и средствами производства — всеми заводами, фабриками, шахтами и рудниками. Я сижу в этом зале, в Кремле, я, простой русский рабочий человек, буду утверждать Великий Закон, утверждать права трудящихся, о которых наши отцы только мечтали могли.

Как смеялись вместе со Сталиным все делегаты съезда, когда принялся он стегать буржуазных критиков нашей Конституции! Немецко-фашистские писаки он сравнивал с бюрократом-самодуром из сказки Шехерезады. Этот самодур, рассказывал товарищ Сталин, даведя «порядок и тишину» во «вверенной ему области», истребив тысячи жителей и испепелив десятки городов, оглянулся

вокруг и заметил где-то далеко страну Америку. Самодур завопил: «Что это за страна, — откуда она взялась, на каком таком основании она существует?» и положил резолюцию: «Закрывать снова Америку». Немецкие фашисты как две капли воды похожи на этого самодура. Они очень бы хотели «закрывать» СССР. Но «сие от них не зависит», — сказал, улыбаясь, Иосиф Виссарионович, и дружным смехом, громкими аплодисментами встретили эти слова делегаты съезда.

Через несколько лет, когда началась война, я подумал: «Теперь эти негодяи вздумали «закрывать» СССР» силой оружия. Но народ наш покажет этим потерявшим голову самодурам, что «сие от них не зависит». Будет так, как Сталин сказал».

И в День Победы, слушая по радио обращение товарища Сталина, я ясно представил себе дорогое лицо вождя там, на кремлёвской трибуне, сплоченный голос, смеющийся глаза и слова, твёрдые, уверенные: «...сие от них не зависит...»

Но я отвлёкся от своего рассказа. Разделавшись с буржуазными критиками, разобрав внимательно поправки и дополнения к проекту Конституции, товарищ Сталин стал говорить о значении Конституции. Впервые за всё время доклада Иосиф Виссарионович поднял руку, повысил голос. Казалось, что он обращается не только к нам, сидящим в этом зале, но и к тем, кто не дожид до этого счастливого дня, и к тем, кто придёт нам на смену:

«...В результате пройденного пути борьбы и лишений приятно и радостно иметь свою Конституцию, трагующую о плодах наших побед. Приятно и радостно знать, за что бьются наши люди и как они добились всемирно-исторической победы. Приятно и радостно знать, что кровь, обильно пролитая нашими людьми, не прошла даром, что она дала свои результаты. Это вооружает духовно наш рабочий класс, наше крестьянство, нашу трудовую интеллигенцию. Это двигает вперёд и поднимает чувство законной гордости. Это укрепляет веру в свои силы и мобилизует на новую борьбу для завоевания новых побед коммунизма».

Какие замечательные слова! Когда в годы войны бывало очень тяжело, я брал маленькую книжечку с докладом товарища Сталина, читал эти строчки — и легче становилось на душе, будто помолодел и сил прибавилось.

После доклада товарища Сталина съезд выбрал комиссию по редактированию Конституции. Депутаты, которым выпала честь работать в этой комиссии, рассказывали нам, как внимательно вы-

слушивал Иосиф Виссарионович каждое замечание, как тщательно обдумывал каждое предложение.

— Спасибо за совместную работу, — сказал он членам комиссии, когда все предложения и замечания были рассмотрены и Конституция окончательно отредактирована.

Этим же товарищ Сталин закончил свой доклад 5 декабря, когда съезд окончательно утвердил Конституцию. Он сказал, что всенародное обсуждение Конституции СССР принесло огромную пользу.

Подшла самая торжественная минута. Товарищ Андреев стал читать Конституцию по частям. Каждую статью голосовали отдельно. 146 статей в Конституции, и 146 раз поднимали мы наши прекрасные мандаты, утверждая статью за статью.

Я сидел в четвёртом ряду, близко от трибуны, и видел, как чутко прислушивался товарищ Сталин к чтению статей, а потом голосовал вместе с нами. Да не я один, все делегаты, голоса. Смотрели на товарища Сталина, будто молча благодарили его за то, что создал он такой замечательный Закон, равному которому не было и нет во всём мире.

Ровно в 6 часов вечера 5 декабря мы утвердили Сталинскую Конституцию. Проголосовали и дружно зашли «Интернационал». «Мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем...» Старые, привычные слова песни зазвучали в этот день по-новому. Я сжимал в руках книжечку с текстом Конституции и думал: «Вот он, новый мир, который мы построили, а ты, Иван Константинович, был ничем, а стал всем».

И я ещё и ещё смотрел на дорогое лицо Иосифа Виссарионовича, отца и создателя нашей Конституции, аллодировал ему и кричал вместе со всеми делегатами: «Да здравствует наш Сталин!»

Как ни в чём не бывало

Алексей Толстой

Рис. Т. Мавриной

Два брата

Жили два брата — Никита и Митя. Никита был не совсем ещё большой, но и не малянький. Он читал книги с приключениями.

Когда он читал эти книги с приключениями, то садился под стол, поджимал ноги по-турецки и затыкал уши указательными пальцами. Или он забирался в другие места, где обыкновенному человеку не понравилось бы читать книги с приключениями.

Он находил, что так ему удобнее.

Иногда он собирал спичечные коробки и делал из них автомобили и лодки. К несчастью, эти лодки скоро раскисали в воде, и это было главным недостатком лодок из спичечных коробок.

Иногда он бежал страшно быстро по коридору, вероятно, со скоростью сорока пяти километров в час. Бывало, кухарка несёт блюдо с котлетами, вдруг мимо неё что-то пролетает, как ветер. Кухарка не успевает моргнуть — ай, ах! — и блюдо, и котлеты летят на пол.

Никиту часто и громко ругали за беганье по коридору. Но так как голова у него была полна прочитанными приключениями, то он не обижался на мелочи, говоря страшно быстро:

— Прости, прости, мамочка, я не буду.

И продолжал бегать со скоростью сорока пяти километров в час.

У Никиты были горохового цвета брови и ресницы, стриженная голова и уши такие тонкие, что после мытья их горячей водой они некоторое время висели, как тряпочки.

Второй брат, Митя, был ещё малыш и карапуз.

Он жил тоже самостоятельной жизнью, что бы там про него ни говорили.

Когда он хотел пить, он говорил:

— Диги, диги.

Пауков, которые попадали в квартиру вместе с дровами, он называл:

— Носсе.

Это вовсе не значило, что он не умел говорить. Он разговаривал очень, очень хорошо. Но только деревянную лошадь называл «вевит», собаку — «авава», а плюшевого медведя — «папа-пум».

Так Митя лучше понимал, и лошадь, собака, медведь, пауки лучше понимали.

Митя был очень работящий. Он всегда что-нибудь делал. Или молча и старательно размазывал себе по лицу черничный кисель или вымазывался молочными пенками.

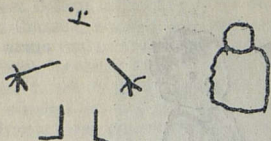
Или, взяв стул, он возил его по всем комнатам, от чего происходил страшный шум. Но Митя не обращал внимания на страдания взрослых.

Он любил подметать пол веником. Или на кухне брал котлетную колотушку и колотила ею в медный таз, что также производило большой шум.

Он очень любил рисовать, и у него был несомненный талант к живописи.

Он рисовал догадки и на пряжки. Это были очень интересные вещи. Например:

Это была догадка.

А это напрямка.

Они рисовали в разных местах на листе бумаги. Но если быстро посмотреть на догадку, а потом быстро посмотреть на напрямку, то получался обыкновенный человек.

Никита и Митя очень любили друг друга и часто возиались, как щенята, на полу.

Отец и мать

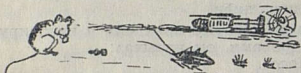
Отец Никиты и Мити каждый день уходил на службу. Мать тоже часто уходила по делам. Ростом отец и мать были с буфет, и оттого, что оба так высоко выросли, многое интересное шло у них мимо носа.

Сколько раз им предлагали лечь на пол и посмотреть под шкаф.

Дело в том, что под шкафом жили: козявка с пятнышками, две мокрицы и голодный паучок — «носсе» — скучноватое животное.

Временами под шкафом появлялись: чёрный таракан и весёлый мышонок, который грыз сахар и катал шахмату.

Там же водились: обыкновенная пробка, дохлые мухи, пыль, похожая на вату, и эльвиный солдат, которого никак нельзя было достать оттуда.

На предложение — лечь на пол и глядеть на эти прекрасные вещи — мать отвечала:

— Отстань, пожалуйста, со своим шкафом, у меня и без того руки отваливаются.

Митя, услышав эти слова, испугался и долго ходил за матерью: ждал, когда у неё начнут отваливаться руки.

На отца Никита и Митя давно махнули рукой. Отец был добрый человек, но не умел играть ни во что. Разве — посадит Митю на колено:

— Ну, давай, малыш, поскачем. Хоп, хоп...

Мите было тряско на коленке. Того и гляди упадёшь, и совсем не похоже на лошадь.

А если играть по-настоящему:

Никита на щётке, Митя на венике, — голопом по коридору, да кругом стола, да брыкать, заржать, завизжать — «ииниигого!..»

Отец швырнёт газету, зажмёт уши, закрутит головой.

— Пошадите мои уши, я уйду из этого дома...

В свободное от службы время родители занимались воспитанием.

Во время обеда каждый раз говорилось одно и то же:

— Никита, изволь есть лапшу, иначе ты уйдёшь в тёмную комнату!

— Митя, перестань стучать ложкой по тарелке!

— Дети, не чавкайте, вы не поросята!

— Дети, перестаньте надуться водой, когда на столе молоко!

Никита делал старое лицо, потому что лапша не лезла в живот. Тёмной комнаты он не боялся: её в квартире даже и не было. Но попробуйте-ка не есть лапши, когда два человека, каждый ростом с буфет, глядят тебе в рот и повторяют:

— Ешь, ешь, ешь, ешь, ешь, ешь, ешь!

В это время Митяка вдруг хватал ложкой по кувшину так, что отец и мать подскакивали.

Митю сейчас же шлёпали по рукам. Он сопел, молчал. А Никита, будто бы доев лапшу, бежал с тарелкой на кухню со скоростью сорока пяти километров в час.

Однажды Никите здорово попало.

Он прочёл происхождения Макса и Морица. Он сразу понял, что это замечательная книга. Он рассказал Митяке об этой книге. Митя слушал, сопел и на всё соглашался. Рано утром Никита налил воды во все кашоши. Он вымазался сажей и вымазал Митяку. Они на четвереньках побежали на кухню и страшно нанюгали кухарку.

Они протянули верёвочки поперёк коридора, чтобы все спотыкались. Они наложжи в чайник, который уже стоял на самоваре, картофельной шелухи. В это утро они сделали много удивительных шалостей.

Да, да, Митяка был наказан легко, Никита был наказан серьёзнее, как зачинщик. Да, да, в это утро обоем попало. После того как им попало и мать и отец ушли на службу, Никита сказал Мите:

— На родителей-то много не рассчитывать, Митяка: надо самому себя воспитывать.

Братья отправляются навстречу опасностям и приключениям

— Скажи ты мне, малыш и карапуз...

Так однажды сказал Никита, бросив на пол книгу с приключениями. Он засунул руки в карманы. Он прищурился, что совершенно необходимо, когда человек решается на какой-то отважный поступок...

— Скажи мне, малыш и карапуз: ты мужчина или ты какая-нибудь сладёна, плакса, девчонка?

— Я мужчина, — не задумываясь, ответил Митя.

Он сидел на полу и ремонтировал паровоз, который почему-то сломался.

Дети! Если у вас есть паровоз, не чините его до тех пор, покуда он не сломается. Если

же он будет сломан, то ремонтируйте его умерю. Не нужно совать внутрь паровоза посторонние вещи, нельзя прикасаться трубу слюнями, потому что слюни клеят непрочнo. И, главное, берегите кодёса, не делайте их четырёхугольными...

Такой паровоз называется сломанным паровозом.

После митиного ответа Никита пошевелил кожей на голове.

— Молодец! — сказал он. — Другого ответа я от тебя и не ждал: сразу видно, что ты мой брат. Знаешь что, надоело сидеть дома. Едем путешествовать!

— Мы куда поедем путешествовать? В зоологический сад? — спросил Митя.

— Нет, я терпеть не могу зверей в клетках. С тигром, с бешеным слоном, с разъярённым носорогом и с голодным удавом нужно встречаться на свободе.

Так сказал Никита и выпятил челюсть.

Митя задышал и тоже выпятил челюсть. Им обоим представились дикие животные в диких лесах.

Вот что им представилось. Но это не имеет никакого значения: будем думать, что они по-настоящему попали в какой-то огромный лес, населённый удавами, крокодилами, пауками и множеством маленьких обезьян...

Никита очень быстро совершил несколько мужественных подвигов.

Он ловко увернулся от носорога, который, вонзив нос в баобаb, так и остался.

Он ловко засунул крокодилу палку в рот поперёк, и крокодил так и остался.

Он ловко связал целый куче обезьян хвосты в один узел — вот была потеха!

Льву он набил понаи глаза песком, а удаву дал проглотить вместо себя старое, дражное кресло, которым удав сразу же подавился.

Митя для борьбы с чудовищами был мал. Он струсил и сейчас же очутился у себя в комнате. Никита, покончив в это время с бешеным слоном, выскочил из фантастических лесов и тоже очутился в комнате рядом с Митей...

— Значит, едем, Митька! — сказал он. — Подымай паруса!

Митя оглянулся: про какие паруса говорит Никита? И спросил:

— Мы поедем на лодке?

— Не гаду сказано, малыш: поедем на лодке. Собирайся! Ничего лишнего. Возьмём с собой одеяло, оружие и бутылку молока.

— А мячик взять можно? — спросил Митя.

— Нельзя.

— А лопатку и ведёрко можно взять?

— Нельзя.

— А человека с тачкой, который заводится, тоже нельзя?

— Нельзя. Молчи, не спрашивай, иначе останешься.

— А медведя мы возьмём? Он плюшевый, — спросил Митя.

Но Никита уже не отвечал на глупые вопросы. Не теряя времени, он готовился к отъезду. Он похитил из кухни сумку для провизии. Он положил туда два байковых одеяла.

Всем известно, что путешественники и североамериканские индейцы шагу не ступят без байкового одеяла.

Он положил в сумку английский шпалот от двери, два яблока, соли в бумажке, кусок сбитного хлеба, митькину бутылку с молоком, запас патронов для ружья, пучок стрел, умело отравленных при помощи макания в грязное ведро на кухне, два запасных меча и много сахара, насыпанного из сахарницы в чулок.

Никита стащил со своей постели простыню. Вывернул палку из половой щётки. Привязал к этой палке, к двум концам, простыню — получился превосходный парус.

Затем Никита и Митя вооружились с головы до ног.

Никита взял сумку, Митя — парус, и, крадучись, припадая к полу при каждом подозрительном шуме, они пробрались на лестницу, захлопнули за собой дверь на английский замок и горохом скагались вниз.

Они выбежали на набережную реки Ждановки, где у Тучкова моста стояла маленькая лодочная пристань. В это время к ним подошёл Цыган.

Цыган

Этот Цыган был не настоящий цыган — чёрный, бородастый, с серьгами в ушах, с медным котлом за плечами.

Этот Цыган была собака. Он сунул Мите в щёку холодный нос. Поднял лапу и подал её Никите, после чего вежливо улыбнулся. Вот так:

Цыган была серая, худая и очень добрая собака, большой друг Никиты и Мити, и такая умная, что про неё один мальчик со Ждановки рассказывал, будто она умеет даже говорить по-русски, но не всегда, а когда захочет.

Однажды вечером Цыган сидел с этим мальчиком на берегу реки Ждановки и вдруг взял да и рассказал историю своей жизни:

«Я родился на Крестовском острове, рано лишился матери, и детство моё было очень плачевно.

Мальчишки таскали меня за хвост, драли за уши и кидали в пруд, чтоб я научился плавать. Кошки фыркали мне в морду и царапали когтями. Куры ужасно больно клевали меня, когда, бывало, подберёшься ухватить из куриного корыта кусочек.

Но я рос, и характер мой от этих испытаний закалялся. Одно время попал я на

плохую дорожку. Бровка, дрянная собачонка, подговорила заняться налётами на лавки с продуктами питания.

Слов нет, стацишь с прилавка баранинки или варёную колбасу и так плотно покушаешь — хвостом лень муху отогнать. Но в одном кооперативе угостили меня гирей, в другом — мясники-приказчики отрубили часть хвоста и грозилась в другой раз поймать — смолотить меня на краковскую колбасу. Нет, хлебнул я горя с этими налётами.

Спустили на нас на одном дворе собаку ростом с телёнка. От Бровки только шерсть полетела. Я с разодранными ушами кое-как унёс ноги. «Довольно грабежей», — сказал я сам себе. И поступил в батраки к одному хозяину — бегать, гавкать по ночам на цепи. Сиदिшь около будки: «Э-хе-хе, скука, зря жизнь проходит, продал Цыган себя за ведро помоев... А провались, — думаю, — этот хозяин со своим добром, пускай сам сидит в будке...».

Ушёл я от него и заглодал. Неорганизованная наша жизнь собачая, пробиваемся в одиночку. Лежу я однажды на солнышке в саду, даже тошнит — есть хочется. Вдруг подходят ко мне Никита и Митя, жалеют меня, глядят, дают булочку. Не забуду этой минуты. Булочку я проглотил, не жуя, и в благодарность походи́л перед мальчишками на задних лапах. С тех пор я счастливым бродяга. Промышляю художеством среди детского населения: с доброй мордой подбегаю к детям, лаю, перекувыркиваюсь, верчусь, ловлю свой хвост. Даже самому смешно. А увижу няньку — начинаю глядеть на неё грустно, со слезой, откуда она не поймёт, что собака голодная.

Вот и всё моё скромное жизнеописание.

Итак, этот знаменитый Цыган подбежал к Никите и Мите в то время, когда они приглядывали, какую им выбрать лодку для путешествия.

Из домика на плоту вышел караульщик лодок, старый водяной человек с густой бородой и в ватном жилете.

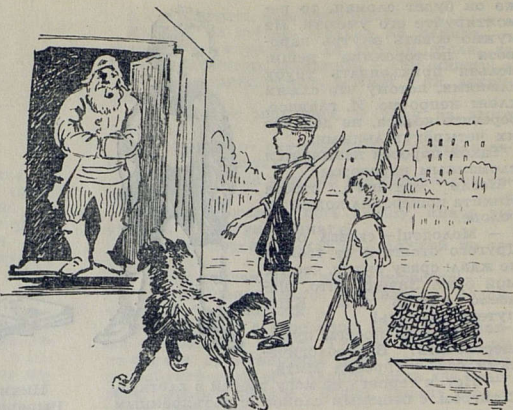
Его звали Панкрат Иванович Ершов-Карасёв. Он был хороший знакомый Никиты.

— Лодку хотите? А вот я вам лодку дам, а вы возьмёте и потонете, и лодка моя пропадёт, — сказал Панкрат Иванович Ершов-Карасёв таким простуженным басом, что Митя попятился и сел на траву, а Цыган зарычал.

Но Никита не растерялся. Он вынул из спичечной коробки шестьдесят пять копеек и протянул их лодочнику, обещаясь под честным словом не тонуть и лодки не терять.

Панкрат Иванович долго сопел трубкой, чесал бороду, чесал себе под ватным жилетом, наконец согласился и вынес из домика на плоту два весла.

Лодочка, на которую он указал Никите, была внутри жёлтая, снаружи зелёная, с красной каймой. Звалась она «Воробей».

В лодку погрузили пледы, оружие, парус и провизию. Никита сел на вёсла. Митя — на корму, за руль. Панкрат Иванович Ершов-Карасёв вынул трубку изо рта и закричал басом:

— Отчаливай, команда!

В это время в лодку прыгнул Цыган и сел посередине, улыбаясь во всю свою собачью морду...

— Молодец, Цыган! — сказал Никита. — Едем с нами.

Он ударил в вёсла, «Воробей» отделился от пристани и поплыл с тремя путешественниками вниз по тихой реке Ждановке, мимо зелёных и низких берегов.

Битва с дикарями

По левому берегу Ждановки тянется высокий липовый парк, называемый Петрозским. У самой воды растут старые, тенистые ивы.

«Воробей» тихо скользил по течению. Солнце взойшло уже на полдень. Было жарко, и Никита держал курс ближе к левому берегу, под тенью ив.

Позади остались: строящийся огромный стадион для олимпийских игр, белые палатки лагерей военной школы и старенькая усадьба сторожа, где бродили куры и поросянок тёрся о корыто.

Вот к озеру, в глубь парка, рысью проехали купать двух дюжих лошадей.

Вот паслась коза на верёвке, и беленкий козлёнок, поднывшись передними ножками на дерево, силился уцепиться листочек.

Вот прошли со знаменем и барабаном, голые по поясу, маленькие пионеры.

Вот высоко на дерево взобрался коричневый человек, болталу ногами в воздухе, бухнулся в Ждановку и поплыл.

Вот между деревьями появились мальчишки. Они кривлялись, высовывали языки, размахивали палками и дико припаясывали.

Никита сразу понял, что это дикари. Цыган зарычал, Митя выпятил челюсть.

— Эй вы — в лодке! Подчаливай к берегу, уши вам надерём! — кричали дикари, черноткожие черти.

Всем известно, что лучше вступить в смертный бой с дикими, чем отдаться им живьём. Так говорят и пишут все знаменитые путешественники.

— Подъезжайте, мы вас бить будем! — кричали они, кучей подбегая к берегу.

— Козьяки, пузыри несчастные! От земли не видно, а туда же — на лодке! Подрейбай к берегу! — наводил ужас, визжали дикари.

Цыган оцетинился и залаял. Митя всё дальше выпячивал нижнюю губу, дальше уже было некуда, оставалось только зареветь.

Трое, четверо, пятеро дикарей вошли в воду по пояс, стараясь зацепить лодку палками. Положение путешественников казалось отчаянным и почти безнадежным.

Тогда Никита бросил вёсла и схватил старый, испытанный лук.

Боевой лук делать нужно так.

Срежьте ивовый прут. Очистите его от коры. На концах нарежьте перочинным ножом зарубки. Согнув прут, привяжите к концам тетиву, то есть прочную бечёвку, а лучше бытовую струну. Вот и всё. Из такого лука первый человек убил первого мамонта.

Хитрый грек Парис выстрелил с троянской башни в ахиллесову пятку. Илья Муромец поразил знаменитого бандита и налётчика Соловья-Разбойника, сидевшего на семи дубах.

Бесёлые англичане вдребезги разбили вёсёлые французов в битве под Кресси, пронзая рыцарей сквозь латы вместе с конём.

Итак, Никита схватил это страшное оружие, выдернул из-за пояса отравленную стрелу, наложил на тетиву, откинулся, чтобы изо всей силы растянуть лук, и выстрелил в дикаря, подбиравшегося к самой лодке.

Отравленная в кухонном ведре стрела попала дикарю прямо в живот.

— Эх ты, леший! — крикнул дикарь и сейчас же повернул к берегу.

Митя в то же время пронзительно, нестерпимо завизжал...

Он один умел так визжать и не раз бывал за этот уховёртный визг наказан.

Цыган бешено лаял, раскачивая лапами лодку.

Никита схватил вторую стрелу и, нацелившись в дикаря, который как раз собирался лезть в воду, попал ему в незащищённое место, находящееся ниже спины.

— Ай, ай! — кричал несчастный дикарь. Третья, четвёртая и пятая стрелы полетели в кучу кривляющихся на берегу диких чертей. Они завли и под тучей стрел стали отступать.

Один из них, самый маленький и без штанов, лёг на живот и заревел:

— Маааааа!

Лодку в это время отнесло течением от места битвы. Никита положил лук. Уши у него были всё ещё красные, как ломтики помидора.

Путешественники были спасены.

Нужно твёрдо помнить, что путешественники всегда от одной опасности переходят к другой. Нет ничего приятнее, как преодолевать опасности и смело плыть навстречу новым приключениям.

Парус

Торопиться было некуда. Никита положил вёсла, и «Воробей» всё плыл да плыл вниз по Ждановке, мимо лесопильных заводов, заборов и рыбаков.

Рыбаки стояли кто на мосту, кто пристроился на сваях, кто уселся — носом в колени — на траве.

Наденут червяка на крючок, поплывут, чтобы червяку было удобнее, закинут удочку и глядят на поплавок.

А ёрш, или окунь, или плотва глядят на рыбака из-под воды. Вся хитрость рыбы удить в том — кто кого пересидит: рыбака рыбу или рыба рыбака.

Иной окунь глядит, глядит на червяка, — слюны текут, а схватить опасно: попадётся на крючок. Но голод — не тётка: «Авось, как-нибудь сорву», — подумает окунь, цап! — и попасля.

А иной ёрш, старый, бывалый, самая хитрая рыба, начнёт рыбака мучить. Схватит губами червяка за хвост и держит. Рыбак «на-ка, — думает, — клюнь ещё, клюнь, голубчик, клюнь, сердешный!..»

А ёрш, подлец, возьмёт да и заведёт крючок на дне речки за какой-нибудь старый башмак, или калошу, или дохлаю кошку.

И вытаскивает рыбака вместо рыбы такую мокрую гадость, что все кругом покатываются от смеха.

Один Митя в лодке находил, что рыбу удить приятно. Никита и Цыган относились с презрением к этому занятию. Но Митя, как уже известно, любил посидеть спокойно, подумать неспеша, поспеть носом.

Он просил Никиту пристать к берегу, половить рыбу. В лодке произошёл спор между путешественниками. Никита кричал морские проклятия:

— Ты, Митя, старый, гнилой кашалот, замолчи, иначе я заткну тебе горло бутылкой от рома!

Митя уже выпячивал до последней возможности нижнюю губу. Но в это время подул ве-

терок, зарыбил воду, и Никита стал налаживать парус.

Никита вставил в гнездо под передней скамейкой небольшую мачту. На верху мачты находилось колёсико, на морском языке оно называется шкив. Через шкив он перекинул верёвку, на морском языке она называется фал.

Помните раз и навсегда: в морском теле не было и не существует слова «верёвка». На корабле есть ванты, есть фалы, есть шкоты, есть канаты якорные и причальные. Самая обыкновенная верёвочка на корабле называется конец.

Но если вы в открытом море скажете «верёвка», вас молча выбросят за борт как безнадёжно сухопутного человека.

К флагу был привязан парус, сделанный из простыни и щёточной палки, — всё же на морском языке такой парус называется марсель. А палка от половой щётки — рея.

Другой конец фала, называемый шкот, Никита держал в руке.

— Выбрав фалы, подымай марсель, ложись на правый галс, крепи шкото-оты! — кричал Никита морским, солёным голосом.

Парус поднялся. Ветер наполнил его. «Воробей» накренился и всё быстрее и быстрее заскользил мимо рыбаков, заборов, лодок к устью Ждановки, впадающей у лесопильного завода в Малую Невку.

Здесь началась качка. Волна била в борт. «Воробей» стал нырять, зарываться носом и, как стрела, полетел через Малую Невку к Крестовскому острову.

В лицо брызгами, посвистывая ветер. Митя тихо шипел от восторга.

У самого острова, у камышей, Никита сделал поворот. Парус плеснуло.

И вдруг — сильный толчок, раздался грек, — лодка ударилась носом в зелёную сваю.

Митины ноги болтулись в воздухе, и он клубочком перелетел за борт лодки в воду.

Цыган показывает свой главный фокус

У себя в детской можно смело и безопасно переживать самые страшные кораблекрушения. Единственная неприятность — это: растворятся дверь и вбегают отец с газетой и мать, схватившаяся за голову:

— Тихе, дети!

Но в настоящей лодке на настоящей воде плавать не так просто.

Вода опасна и коварна. Моряк должен быть всегда настороже, начеку.

От моряка прежде всего требуется: мужество, быстрота соображения и хладнокровие.

Итак, авария на «Воробье» произошла мгновенно. Вы не успели бы сосчитать до трёх, — лодка с налёта ударилась в сваю, Митя упал за борт. Перед Никитой мелькнули испуганные глаза, митины руки, ноги, светлые волосы, — всё это кубарем полетело в воду.

У Никиты остановилось дыхание. В ту же секунду он вскочил. Никита был смелый мальчик.

Из него вышел бы неплохой моряк. У него были мужество, быстрота соображения и хладнокровие.

Он увидел Митю в пяти шагах от лодки. При падении Митя погрузился, но затем, барахтаясь, вынырнул на поверхность. Его уносило течением.

— Никита! — долетел его слабый голос.

Никита большим прыжком кинулся в реку.

Он также ушёл под воду и сейчас же вынырнул. Митю снова отнесло шагов за пять. Никита хорошо держался, но плавать не быстро. Он не знал ещё приёма — плыть сажёнками, когда работают все мускулы, вынося тело пловца почти на поверхность. Напрягая силы, он кричал:

— Держись, держись!.. Ещё немножко...

А Митя барахтался всё слабее. Вот голова его ушла под воду. Опять показалась.

И в это время мимо Никиты, фыркая и шлёпая лапами, проплыл Цыган.

Он плыл так, точно в нём работал мотор. Митина голова опять исчезла, над водой показались одни его распопыренные пальцы. И тогда Цыган, нырнув, схватил Митю за шею, за рубашку, и поплыл с ним к берегу.

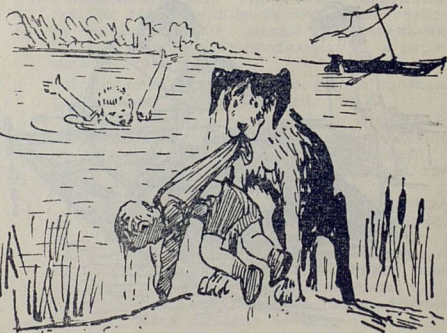
Вот он уже у камышей. Вот он с трудом вылезает на берег, таща в зубах Митю. Вытащив, положил на траву и, болтая ушами, отряхнулся — брызги полетели с него во все стороны.

Отряхнувшись, Цыган снова вошёл в реку и поплыл к Никите. Это было сделано вовремя. Никита начал слабеть. Цыган, подплывая, глядел ему в глаза умным, серьёзным взглядом, будто хотел сказать:

«Не робей, не теряйся, не делай лишних движений, хватайся крепче за меня...»

Никита понял. Когда Цыган подплыл, он схватился ему за кожу на шее. Сразу стало легче держаться, и мальчик и собака повернули к берегу, где сидел Митя, несчастный и мокрый, выплёвывая воду.

Так Цыган показал свой самый лучший в жизни фокус.

Нападение зверей

Митя понимал, что плакать сейчас было бы неуместно, но сами губы у него складывались сквородником. Он страшно сопел.

У Никиты гудело во всём теле от усталости. Не было силы даже расшнуровать башмаки.

Раньше всех пришёл в хорошее настроение Цыган. Он основательно встряхнулся и сейчас ползал то на одном боку, то на другом, вытираясь о траву досуха.

За особыми выражениями благодарности Цыган, видимо, не гонялся.

Вдруг Никита вскочил и крикнул отчаянно:

— Лодка!!!

Лодки не было ни у берега, ни на реке. У Никиты стало сразу старое лицо.

«Погибло оружие, провизия, пледы... А что скажет Панкрат Иванович Ершов-Карасёв?»

Никита побежал вдоль берега. Завернул за лесок. «Воробей» исчез бесследно.

Да, да, приходилось утешаться тем, что с путешественниками бывают приключения и похуже этого.

Как вам понравится, например, после кораблекрушения попасть на коралловый остров, где вы шесть месяцев будете питаться одними склизкими ракушками? Брррр!

Или вы на обломке мачты несётесь по морю, кишащему акулами. В руке у вас кинжал, которым вы распарываете брюхо дерзким чудовищам.

Я уже не буду напоминать о всем надоевших случаях, когда путешественника привязывают к раскрашенному столбу и скачут у него перед носом, отвратительно размахивая ножами и томагавками...

Подобные воспоминания вернули Никите мужество, быстроту соображения и хладнокровие. Он повернул обратно, к своим. И в это время услышал злобный лай Цыгана и крик Мити:

— Ай, ай, беда, беда!..

Никита выбежал из леса и увидел картину, от которой у него уши вспыхнули, как лоптики помидора.

Митя стоял и махал руками так, точно его облепили мошки. Около него, оцетинившись, лаял Цыган.

Справа на них набегало стадо гусей. Они вытягивали шеи и зловеще шипели. Слева рсью подходил пегий телёнок, весь вид его не предвещал ничего доброго. А в лоб наступал старый, грязный, бородастый козёл.

Враги подавляли численностью. Положение путешественников становилось отчаянным.

У Никиты покраснели уши. Но это было не от страха, нет: у храбрых мальчиков уши краснеют от желания подражать. Никита схватил попавшийся под ноги сучок. Никита крикнул страшный боевой клич:

— Даёшь козла, даёшь пегого телёнка, даёшь гусей!..

И, размахивая сучком, побежал с тылу на зверей.

Под этим натиском гуси подались, шипя ещё более. Пегий телёнок остановился и, в

недоумении размахивая хвостом, глядел глазами в разные стороны.

Но хитрый козёл, бородастый бездельник, — не такое был животное, чтобы легко откаться от удовольствия забодать маленького мальчишку. Козлиные бока выдвигали сучки и крепче никитино.

Козёл живо повернулся на задних копытцах, нагнул рога и бросился на Никиту.

Никита отскочил, увернулся и ударил козла так, что сучок разлетелся на куски. Козёл снова пошёл в атаку и вертелся и крутился около Никиты, справа и слева, грозил рогами и наконец с наскоку боднул его под зад.

Никита упол. Козлу только того и было нужно. Он стал в двух шагах, бороду опу-

стила до земли, глаза белые, в точках, и закричал гнусно, издевательски:

— Поббббззззззззззз!

В то же время гуси снова начали наступать на Митю, а телёнок, скача и бодаясь, занялся Цыганом.

Не отделались бы дешево путешественники от этой беды. Но вдруг раздался резкий, дробный треск. И на поле битвы появился барабанщик.

Барабанщик

Это был стройный мальчик, голый до пояса, коричневого цвета, через плечо у него на широком ремне висел барабан.

Барабанщик бил тревогу. Губы у него были поджаты. Лицо выражало решимость. Гуси изумились и снова стали отступать. Телёнок вдруг невероятно тупо замычал, взмахнул хвостом и поскокал телячьим галопом кругом поля битвы.

Козёл оставил Никиту и пошёл на барабанщика. Но барабанщик продолжал всё так же спокойно и резко бить тревогу. Из леса,

бегом через поле, подходила подмога — трое, таких же как он, загорелых мальчишек.

Они схватили козла за рога и выпалили ему по бокам ремённым поясом:

— Не бодайся!

Затем они отогнали гусей, а телёнок сам усакал, задирая хвост, на чужие огороды.

Покончив со зверями, мальчики подошли к Никите и Мите. Барабанщик спросил:

— Вы откуда, товарищи?

— Мы со Ждановки, — ответил Никита, — мы путешественники.

— Э, да вы оба славно искупились. Это не ваша ли лодка плыла сейчас к Петровскому мосту?

— Зелёная? С красной каймой? «Воробей» — самая наша лодка!

— Ладно, — сказал барабанщик, — идёмте с нами в лагерь.

И все — барабанщик и трое мальчишек, Никита с Митей за руку и сзади Цыган — пошли через поле в лагерь пионеров. По дороге Никита рассказал подробно все приключения.

Оба мальчика вскочили, и каждый из них ответил:

— Готов!

Барабанщик опять надел через плечо барабан, и все пошли быстрым шагом к Петровскому мосту. По пути Никита видел, как один пионер прыгал с высоким шестом.

Трое бежали впергонки.

Другие тренировались с футбольным мячом, кувыркаясь в траве и хохоча.

А ещё другие лазали по деревьям, раскатываясь на сучках, старались друг друга стащить за ноги.

Всюду между столами в этом вёселом, зелёном лесу мелькали полуголые мальчики. Даже хладнокровный Митя, которого трудно было чем-нибудь удивить, молча пошёл к берёзе и полез на неё, но шлёпнулся и крикнул.

У Петровского моста Никита увидел привязанного к сваям «Воробей». Маленький, сердитый пионер караулил лодку. Никита, Митя и Цыган закричали:

— Ура!

У Цыгана это вышло так:

— Ууууу... ррррр... ау-ау-ау-ау...

Никита, Митя и Цыган влезли в лодку, где всё было в целости; один пионер сел на вёсла, другой — на руль, барабанщик на берегу ударил в барабан, маленький, сердитый мальчик запустил камнем пятьдесят парь блязов по воде — и «Воробей» с путешественниками поплыл в обратный путь.

Никита и Митя сушатся у костра

Лагерь на лесной поляне был почти пуст. Около палатки на траве сидел мальчик, поджав ноги, и читал книгу. Другой мальчик — караульный — неподвижно стоял у красного знамени под деревом. Третий возился у костра, где над огнём на треноге висел котёл. Шумели деревья в синем небе над поляной.

Барабанщик объяснил, что пионеры сейчас разбрелись: кто на земляных работах, кто купается, кто занимается тренировкой в беге, прыганье и бросание диска. Скоро они станут подтягиваться в лагерь есть картошку.

Барабанщик указал Никите и Мите место у огня и посоветовал раздеться донага и высушить одежду и обувь. Так и было сделано. У костра было очень славно сидеть: попаривало дымком и варевом из котла.

После всего пережитого у Никиты сосал голодный червячок в животе. Митяка молча глотал сырни. Цыган, положив морду на лапы, глядел на котёл.

Мальчик, хлопотавший у костра, вытащил из золы три большие картофелины. Две из них разломил, дуя на пальцы, густо посолил и подал Мите и Никите.

— Такой картошки вы сроду не едали, — сказал мальчик с уверенностью.

Третью картофелину он бросил Цыгану.

Нет слов для описания удивительного вкуса картошки, которую Никита, Митя и Цыган ели у костра пионеров. У Мити выпятился живот ввиде горбушки.

Попробуйте сами, тогда поймёте, что это за картошка.

Наконец барабанщик сказал:

— Одежда просохла, одевайтесь, а то домой запоздаете, — вам отец, мать вспяют.

И он сказал двум мальчикам:

— Мальшей надо проводить.

Как ни в чём не бывало

На обратном пути подул свежий ветерок. У Митки не попадал зуб на зуб, и тут-то и пригодилась оделка, предусмотрительно взятые в путешествие.

Митьку завернули в них, дали в руку бутылку молока, он вытянул её всю и сейчас же заснула в мягко покачивающейся лодке.

Никита достал чулок с сахаром и угостил им пионеров и грыз сам. Сахар съели весь. А запасы хлеба, не жуя, были проглочены Цыганом.

Когда проплывали мимо знаменитого теперь места битвы с дикими, Никита и двое пионеров, которым уже всё было известно, громко крикнули все разом:

— Даёшь, краснокоржие черти!

Никита потрясал мечом и луком. Цыган рычал, как лещерный медведь. А на берегу, между липами, угрюмо кривляясь, трусили подходить близко остатки разбитых дикарей.

В пятом часу дня «Воробей» подошёл к пристани.

На мостках стоял с трубкой Панкрат Иванович Ершов-Карасёв всё в том же вагном жилете и с бородой, где, как говорили на Ждановке, водились у него даже тараканы.

Солнце ослепительно горело в тихой воде между низким левым берегом и высокими домами на правом берегу. Панкрат Иваныч шурился, шурился и вдруг...

Чихнул:

— Ап-ап-ап-апчиххийии!!!

Да как чихнул-то!

Закачались мостики, закрипели лодки, ворона, присевшая почистить нос на крышу домика на мостках, взъерошилась, сорвалась и полетела, каркая и долго ещё оборачиваясь на Ершова-Карасёва:

— Дуррррак!.. Дуррррак!!

Вот как здорово чихнул Панкрат Иваныч Ершов-Карасёв!

На мостках пионеры простились с Никитой и Митей, стали в затылок, поджали локти и бегом пошли через дамбу, через деревянный мостик, что ведёт с Тучкова моста на стадион, и дальше через Петровский остров к лагерю.

Никита и Митя захватили оружие, парус и багаж и тоже побежали к дому.

У ворот они простились с Цыганом:

— До завтра, собака!

Цыган вежливо посмотрел путешественникам в глаза, помотал хвостом и отправился по своим частным делам.

Никита открыл дверь английским ключом. Никита и Митя на цыпочках прокрались в детскую. Быстро разобрали все вещи по местам: пледы — на кровати, оружие — под кровать, простыню — под подушку, щёточную палку воткнули в щётку и выставили в коридор.

Никита сел к окну и раскрыл книгу с приложениями. И Митька сел на пол и продолжал ремонт паровоза.

Сидели как ни в чём не бывало, как будто ничего и не случилось.

Через несколько минут раздался звонок: это пришли со службы отец и мать.

Дети вышли их встречать как ни в чём не бывало.

За обедом Никита и Митя приналегли на лапшу. Подали мясо с хреном — они приналегли и на мясо. Наелись. Попросили молока, написали. Никита толкнул Митьку, и оба фыркнули в тарелки.

Фыркнули они потому, что родители, ко-

торые в начале обеда, как обычно, принялись за воспитание, теперь замолчали и с удивлением поглядывали на детей.

— Папа, а тебя никогда не бодал козёл? — спросил Митя.

— Не бодал, отстань, — ответил отец, — скажите, пожалуйста, что с вами такое случается? Я ничего не понимаю.

Тогда Никита сказал равнодушно:

— Мы путешествовали на парусном корабле «Воробей». На реке Ждановке, около сломанной извы, мы разбили племя краснокожих дикарей. После этого потеряли кораблекрушение и подверглись нападению зверей, но нас спас храбрый барабанщик. Мы гостили в лагере у одного очень дружелюбного народа и благополучно вернулись.

— Панкрат Иванович вот так чихает! Папа, а ты умеешь так чихать? — спросил Митя.

Отец сделал обиженное лицо:

— Вы оба несёте чепуху! Я замечаю, что вы с каждым днём всё более дичаете. Хотя хороший аппетит меня радует, но посмотрите, на что вы похожи: носы ободраны... А руки... А платье... Вы стали похожи на разбойников, налётчиков, только не на наших детей...

— А барабанщик сказал, что мы славные ребята, — проговорил Никита.

Митя сейчас же спросил:

— Папа, а ты умеешь барабанить в барабан?

Отец махнул рукой, взял газету и ушёл читать её на балкон. Мать, собирая со стола, задумчиво улыбалась и покачивала головой.

Ей было немного грустно от того, что нельзя уже теперь взять, как бывало, крошечного Никиту или крошечного Митю на руки, целовать и тискать. И было смешно от того, что они, такие все маленькие и такие независимые, ходят с отравленными стрелами, носы у них исцарапаны и глаза дикие.

В детской Никита сказал Мите:

— Родители так и не поверили, что мы путешествовали по-настоящему. Знаешь, что, напишу-ка я рассказ про это путешествие, а ты нарисуй к нему картинки. Мы издадим книжку, тогда поверят.

Никита сейчас же принялся писать этот рассказ, а Митя рисовать тысячи «догадок» и «напрямок».

КИТАЙСКИЕ ШКОЛЬНИКИ

Лев Рубинштейн

Карнавал в Дайрене. Участники карнавала весело пляшут под звуки «самодельного оркестра», состоящего из кларнетиста и барабанищика.

Ряженые в старинных китайских костюмах и масках идут на ходулях, возвышаясь над веселой карнавальной толпой.

КАРНАВАЛ В ДАЙРЕНЕ

Утром меня будит стук деревянных сандалей. Это китайские школьники бегут в школу.

Я подхожу к окну. Передо мной лежит большой портовый город Дайрен, весь утопающий в зелени. Хорошенькие домики, покрытые зелёной и красной черешней, карабкаются в гору, к дымчатым голубовато-зелёным сопкам. На фоне неба чётко выделяются светлые ворота японских храмов, похожие на букву «П». Утренний ветерок шелестит листвою огромных акаций и плакучих ив, треплет советские и китайские флаги над крышами и воротами, колыблет длинные, узкие вывески, украшенные узорными иероглифами.

Дайрен лежит на крайнем юге Маньчжурии. В нём не бывает зимы. Вечно синее море сверкает вокруг него.

Дайрен основан русскими. Когда-то он назывался Дальний. В 1905 году в него вступили японцы, и с тех пор, в течение сорока лет, этот огромный город, населённый китайцами, находился под властью японского штыка и плётки. Здесь всё на японский лад, даже китайские школьники носят японские шапочки и высокие деревянные сандалии. Увидев меня, они снимают шапочки, кланяются в пояс и вежливо говорят по-японски «охайо».

— Нихао! (Здравствуйте!), — отвечаю я по-китайски.

Дети смотрят на меня испуганно. Они не привыкли, чтобы с ними говорили на их родном языке. Здесь китайский язык считался языком грубого престоноародья. Школьники-китайцы обязаны были говорить только по-японски.

— Где ваша школа? — спрашиваю я.

Они показывают на угрюмое здание, похожее не то на банк, не то на полицейский участок. На дворе ни дерева, ни кустика. Посредине этого пустыря стоит странная штука, похожая на колонку, над которой красуется чей-то бюст с отбитой головой.

— Ъто это? — спрашиваю я.

Кругом раздаётся дружный смех. Это бывший японский директор школы, господин Судзуки. Он велел поставить на дворе школы своё собственное изображение. Когда Красная Армия освободила Дайрен от японцев, китайские школьники отбили ему голову.

Чему же учили в этой школе китайских ребят?

Мне показывают карту. Это карта «будущей» «Великой Восточной Азии». На ней всё закрашено японским цветом. Япония тянется до Волги, а дальше начинается Германия. Советского Союза вовсе нет, нет и Китая. Он целиком отдан Японии. Индия отдана Японии. Америка принадлежит Японии. Даже Южный полюс отмечен японским значком.

— Не желаете ли посмотреть учебник истории? — спрашивает учитель.

Смотрю учебник истории. В нём объясняется, что весь мир обязан своей культурой Японии. Оказывается, древние вавилоняне и египтяне происходят от японцев. Япония — это «материнская страна», от неё произошли все народы. Настанет день, когда весь свет поклонится японскому императору и признает власть японских самураев.

Я захопываю учебник. Теперь я понимаю, почему так низко кланяются китайские школьники и боятся говорить на родном языке.

Мы выходим на двор, и меня знакомят с шумливой ватагой ребят.

— Вот ученик Ли Хуа-лян, — говорит учитель, — лучший ученик третьего класса. Быстрее всех считает и знает уже триста пероголифов.

Ли Хуа-лян выступает вперёд. Я протягиваю ему руку, он смущается и опускает глаза.

— Они не привыкли, чтобы белые люди здоровались с ними за руку, — говорит учитель.

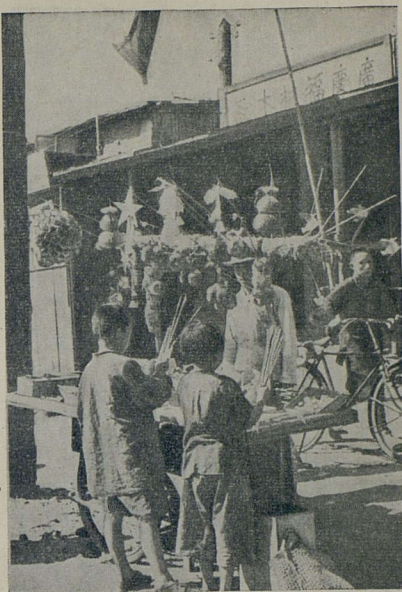
Я делаю шаг к Ли Хуа-ляну и крепко жму его маленькую, смуглую руку. Ли Хуа-лян потрясён — глаза его блестят, лицо расплывается в улыбку. Он гордо смотрит на своих товарищей.

Передо мной выстраивается целая очередь. Один за другим мальчики и девочки подходят ко мне с протянутой рукой. Они важно подают мне правую руку, придерживая её левой рукой.

Это — целое событие в жизни школьников: они пожмали руку советскому офицеру!

Когда мы уезжали из школы, случилось непредвиденное событие. Наш «виллис» зашумел и тронулся, когда из дверей школы выкатилась маленькая китайночка в пёстром халатике. В левой руке она держала метёлку на бамбуковой палочке, а правая была протянута вперёд. Видно, она тоже хотела поздороваться с нами, но не успела: «виллис» загудел и умчался, оставив девочку посреди улицы, в облаке пыли, с лицом мокрым от слёз.

Через два дня в Дайрене был устроен карнавал в честь Красной Армии. Мы с трудом продирались на машине по главной улице, запруженной народом. Оглушительно стреляли хлопучки, грохотали маленькие барабаны, завывали тростниковые флейты. Над толпой покачивались на ходулях юноши, одетые в старинные китай-

Китайские ребята разглядывают игрушки у прилавка небольшого игрушечного магазина.

ские костюмы и маски. Связки флагов и бубенцов колыкались у них над плечами. Смуглолицые люди, радостно улыбаясь, бросали в нашу машину фрукты, леденцы, фисташки, витое солёное печенье.

Мы пробирались по улице Токива-Дори к вокзальной площади, среди огромных бумажных фонарей с надписями: «Да здравствует СССР! Да здравствует свободный Китай!» Перед зданием китайской школы целый лес флажков. Здесь стояли знакомые нам школьники. Ли Хуа-лян подошёл к нам и на глазах у изумлённой толпы важно пожал нам руки.

Мы уже собирались тронуться дальше, как вдруг водитель обратил моё внимание на маленькую китайночку в пёстром халатике, которая два дня назад не успела с нами поздороваться. Она стояла в стороне, засунув палец в рот, и глядела на нас исподлобья.

Водитель спрыгнул с машины и пошёл к ней, раздвигая лобовитную толпу. Он поднял девочку высоко над головой и запагал обратно к «виллису». Девочка сидела, как замороженная, прижимая к груди китайский флажок.

Мы все поочередно поздоровались с ней, посадили её на переднее место, и машина тронулась

На рынке в Дайрене.

под крики «Хао!» («Ура!»). Так объехали всю вокзальную площадь. На лице девочки сиял восторг.

Она попрощалась с нами за руку, очень чинно и благословительно. На прощанье она тихо сказала:

— Хунцзюнь ваньсуй! (Да здравствует Красная Армия!).

МИНУТА МОЛЧАНИЯ

Школьник всего мира похожи друг на друга. Когда мы накачивали спустившийся баллон у большого здания на углу площади в Харбине, нас окружила толпа шумливых ребят с книжками и тетрадками. Они разглядывали наш «виллис» и поперебой давали советы шоферу.

Пока наш водитель накачивал баллон, нас водили по школе. Двор такой же, как в Дайрене, — унылый, пустой, лишенный зелени. Школьное помещение темноватое, классы маленькие. Детей здесь было не слишком много. Плата за учение высока, да и японцы не настаивали, чтоб китайские дети обучались грамоте.

Перед началом учебного года дирекция рассылала особо «почтенным» семьям письма с предложением отдать своего ребёнка в школу. Но такие приглашения не посылались, конечно, китайской бедноте, которая скучилась в предместье Харбина — Фуцзядяне. Небогатые родители приводили детей и без приглашений. Иногда, в виде особой милости, им снижали плату за учение. Перед началом учебного года на этом дворе, под дождём, мокла толпа бедняков с детьми — они дожидались, когда у них возьмут «прошение».

В классах расставлены полированные столики. Ученики сидят за отдельными столиками. На стене карта Маньчжоу-го и «смудрые» изречения: «Любовь подданных к царю — всё равно, что любовь детей к отцу», «Что нравится царю, то нравится и подданным, что нравится родителям, то нравится и детям»...

Когда японцы в 1931 году захватили Маньчжурию, они немедленно закрыли все школы и изъяли учебники. «В Китайской республике», — объявили они, — детей учили дьявольским учениям, заимствованным из западных стран. Их обучали хаосу, анархии, демократии, даже социализму! Их обучали только английскому и русскому языкам, девочкам преподавали логику и общественные науки! Со всем этим покончено в блестящей маньчжурской империи. В школах Маньчжурии возродится истинное азиатское воспитание, основанное на повиновении родителям и императору».

Китайских детей нечего обучать уважению к родителям. Нигде так не уважают родителей, как в Китае, и нигде я не видел более послушных и дисциплинированных детей. Но японским захватчикам не это было нужно. Им нужно было, чтобы китайские дети поклонялись японскому императору, как «отцу своих подданных», чтобы они росли безвольными рабами.

Улица в Дайрене. Человек-лошадь, рикша, получает за свой тяжёлый труд гроши.

Школа была организована на японский лад. Самое лучшее помещение — гимнастический зал, выложенный толстыми циновками. Какой же гимнастикой занимались здесь ребята?

Нам показали урок «физкультуры». Двое ребят, голых до пояса, в широких красных шароварах, фехтовали деревянными палками, которые должны были представлять собой мечи. Каждый держал палку обеими руками и добросовестно бил противника по голове и по плечам.

Мальчики прыгали по залу и вертели, как угорелые. Китайские ребята — очень живой народ. Фехтовальщики так разошлись, что один из них ударил другого шапкой по голове. Тот зашатался и упал на колени. Учитель с трудом разнял драчунов.

— Японцы говорили, что надо с малолетства приучать детей к дракам, — объяснил учитель, — тот, кто не переносит побоев, — плохой слуга императора. Об этом даже написано в программе.

Мы пошли в «класс письма». Здесь сегодня занимаются девочки. Они тщательно зарисовывают в тетрадках сложные иероглифы, которые учитель рисует на доске. Тетрадки у них из рисовой бумаги, с деревянными переплётками. Они обмакивают крошечные кисточки в тушницы, которые стоят перед ними на столиках, и рисуют значки тушью, держа кисточку вертикально.

Букв в китайской грамоте нет. Каждому слову соответствуют одни — два иероглифа. Для того чтобы научиться читать газету или книгу, нужно запомнить около четырёх тысяч иероглифов. На изучение их уходит несколько лет.

Иероглифы зачастую бывают необыкновенно сложные. Например, иероглиф, означающий «быть мрачным», состоит из двадцати девяти частей. Чтобы найти значение иероглифа по словарю, нужно сначала угадать его «ключ», а «ключей» этих двести сорок четыре, и их надо знать назубок. У китайских школьников с детства развивается необыкновенная зрительная память. Они хорошие рисовальщики и превосходные отгадчики ребусов.

— Какие ещё предметы у вас преподают? — спросил я.

— При японцах ещё была «мораль», — сказал учитель и презрительно улыбнулся.

Каждый день, ровно в двенадцать часов, начинался урок «морали». Включалось радио. Голос японского диктора объявлял «минуту молчания». Ребята вставали и поворачивались к востоку. Восток был обозначен японским флагом, который висел над окном. Глядя на восток, ребята обязаны были минуту молчать и с благоговением думать о японском императоре.

— Что же вы думали о «сыне неба»?

Два друга: шофёр-красноармеец и китайский школьник. Мальчик учится управлять «виллисом».

— Мы желали ему поскорей убраться из нашей страны!

Ведь нельзя проверить, что ты думаешь...

Содержание урока «морали» было то же, что и в японских учебниках.

В одном из классов мы познакомились с привлекательным парнишкой лет двенадцати. Он рисовал тушью на огромном листе бумаги портрет товарища Сталина. И так как у китайских художников принято делать надписи на картинах, то и на этой картине сверху вниз бежали столбики самых изящных иероглифов: «Десять тысяч лет здравствовать великому Сталину, другу детей своей страны и всего мира».

Перед отъездом из Харбина я получил письмо от школьников. В нём было очень тщательно выведено тушью на русском языке:

«Передайте ученикам СССР, чтоб они приезжали к нам в гости. Почтительный и сердечный привет советским школьникам!»

Дальше следовало такое огромное количество китайских подписей, что я до сих пор разбираю их с помощью иероглифического словаря.

И в нашей стране и в чужих странах — всюду на земном шаре дети читают книги М. Ильина.

Ильину исполнилось 50 лет. За двадцать лет работы он написал больше двадцати книг.

Секрет известности Ильина заключается, по словам Горького, в «редчайшей способности М. Ильина говорить просто о явлениях сложных и вещах мудрых».

У него есть книга, где описаны мудрёные старинные часы.

«Когда нажимают головку, раздаётся необыкновенный мелодичный звон. Маленькие молоточки отбивают сначала часы, потом четверти и, наконец, минуты. Невольно вам начинает казаться, что этот тихий, печальный звон доносится откуда-то из другой страны, с колоколен сказочного города, от которого нас отделяет только золотая крышка часов».

Когда читаешь книги М. Ильина: о часах «Который час», об электрической лампочке «Солнце на столе», — наконец, книгу о книге «Чёрным по белому», начинает казаться, что каждая вещь (подобно часам Брежнева) рассказывает о дальних странах, о давних временах и о людях, создающих вещи.

Тема лучших книг М. Ильина — жизнь

и труд миллионов людей, жизнь и труд советского народа.

В «Рассказе о великом плане» М. Ильин повествует о величии первой пятилетки.

В «Горах и людях» говорится о том, как люди при социализме переделывают природу, в «Сегодня и вчера» повествуется о великой и мудрой Сталинской Конституции.

В дни войны М. Ильин совместно с Е. Сегал закончил второй том книги «Как человек стал великаном».

Эта книга была задумана и осуществлена в годы, когда решалась судьба человечества. Фашисты должны погибнуть, или мрак одичания покроет землю.

Понимая всю непримиримость борьбы, сотрясавшей мир, Ильин создал поэтическую книгу о том, как человек стал человеком, как этот пленник природы взял огонь с неба, вооружился топором и плугом, научился трудиться, говорить, думать — стал властелином природы. Верой в светлое будущее человечества пронизаны все книги М. Ильина.

Поздравим нашего замечательного писателя с 50-летием и пожелаем ему бодрости и здоровья.

Ждём от него много новых замечательных книг.

М. Ильин и Е. Сегал

Рис. В. Цельмера

Жили-были два мудреца. Они вечно спорили между собой. Как-то раз они поспорили о том, что такое человек.

— Человек — великан, — сказал один мудрец.

— Человек — карлик, — сказал другой.

И каждый из них постарался привести как можно больше доводов, чтобы доказать свою правоту.

— Ты говоришь, что человек — великан, — сказал второй мудрец первому. — Давай пойдём в страну великанов, и ты сам увидишь, что человек — пылинка и даже меньше, чем пылинка.

И вот мудрецы отправились в страну великанов.

Первое, что они увидели там, был слон, который перетаскивал брёвна.

— Ну, он ещё не так велик, — сказал первый мудрец. — Правда, слон больше человека. А все-таки не слон заставляет человека таскать брёвна, а человек — слона.

— погоди, — сказал второй мудрец, — я покажу тебе кого-то, кто побольше слона.

Они прошли несколько шагов и увидели громадного, косматого мамонта с изогнутыми клыками.

— А, мамонт! — сказал первый мудрец. — Мы с ним старые знакомые. Что и говорить: рост у него большой, а всё-таки мы, люди, одолели его давным-давно.

— Не спеши, — сказал второй. — Ты ведь пока только у входа в страну великанов. Слон и мамонт — это всего лишь привратники.

Они пошли дальше по дороге и вскоре увидели гигантского ящера, каких давно уже нет на земле. У ящера была такая длинная шея, что он легко мог бы заглянуть в окно третьего этажа.

— Ну и верзила! — сказал первый мудрец. — Но я и не хотел бы быть таким, как он: тяжёлым и неповоротливым. Ведь рост-то его и загубил. Недаром говорят: «Велика Федора, да дура».

— Пойдём дальше, — сказал второй мудрец и подвёл своего спутника к подножью громадного мамонтова дерева, высотой в полтораста метров.

— Этому я ещё меньше завидую, — сказал первый мудрец. — Он и с места сдвинуться не может. Да и так ли он велик? У нас есть башни повыше. А их строят люди.

— Ладно, — проворчал второй мудрец. — Посмотрим, что ты скажешь дальше.

И он повёл своего упрямого друга по крутым каменистым склонам и голубым ледникам на вершину высочайшей из гор.

Мудрецы посмотрели на придорожный столбик и увидели надпись: «Эверест. Высота — 8840 метров».

— Ну, что? — спросил второй мудрец первого. — Разве ты не чувствуешь себя муравьём по сравнению с этой горой? Ты даже меньше, чем муравей.

— Да, это высокая гора, — согласился первый. — А всё-таки даже гора не может загородить путь человеку, когда он идёт. Человек пробивает гору насквозь и проходит своей дорогой.

— Идём дальше, — сердито сказал второй мудрец.

Они снова двинулись в путь и скоро увидели то, чего никогда ещё не видели, — весь земной шар. Не глобус, а настоящий земной шар с белыми шапками снега на полюсах.

Земной шар величаво вращался вокруг оси, подставляя свои бока под лучи солнца.

На придорожном столбике была надпись: «От полюса до полюса по оси — 12 714 километров».

— Какова громадина! — сказал второй мудрец первому. — По сравнению с ней ты даже не муравей, ты микроб.

— Твоя правда, земля велика, — подтвердил первый мудрец. — А всё-таки человек обнёс этот шар не один раз и вдоль и поперёк.

— Хорошо же, — сказал второй мудрец. — Ты скоро не так заговоришь. Я с тебя спешь собью.

И он повёл своего друга прямо в межпланетное пространство.

Мимо них одна за другой проносились планеты.

Вот Сатурн, оюасанный гигантскими кольцами, словно широкой круговой дорогой. Вот окутанный тяжёлыми тучами Юпитер со свитой из четырёх лун.

— А ну-ка, сравни себя с Юпитером, — сказал второй мудрец. — Он в одиннадцать раз больше Земли. Разве ты не чувствуешь, как исчезаешь? Скоро тебя нельзя будет разглядеть и в микроскоп.

Но первый мудрец не сдавался:

— Конечно, Юпитер велик. Но ведь вот же долетели мы до него, чтобы им полюбоваться. И даже измерили его величину.

Они мчались дальше — мимо Солнца, мимо самых больших звёзд.

Звёзды то расширялись под ними бующим огненным океаном, которому, казалось, не было конца, то снова превращались в маленький огонёк, сверкающий среди мрака.

Мира. Ветельгейзе, Антарес...

У края дороги мелькали километровые столбы.

«Антарес. Поперечник — 450 миллионов километров».

— Ты уже исчез! — кричал второй мудрец первому. — Где ты? Я тебя не вижу.

Дорога неслась через толщу Млечного пути. Его туманные облака рассыпались при приближении на миллионы звёзд.

— А ну-ка, — кричал второй мудрец первому, — попробуй измерить Млечный путь своим человеческим аршином! Мы летим со скоростью света! И всё-таки нужны тысячи лет, чтобы долететь до края Млечного пути.

Они летели всё быстрее и быстрее. Вот уже Млечный путь остался позади вместе со всеми звёздами, которые мы знаем, вместе с Солнцем и его планетами.

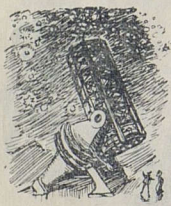
Впереди показался новый звёздный архипелаг — новый Млечный путь. Всё небо было усеяно такими созвездиями, каких никогда ещё не видал человеческий глаз.

Скорее! Скорее!

Но и эти звёзды уже унеслись назад, огненными линиями прорезав небо.

Один Млечный путь сменялся другим, одна звёздная россыпь — другой. А им всё не было конца.

— Шестьсот миллионов лет светового пути! — крикнул второй мудрец.

— Довольно! Хватит! — глухо отозвался другой. — Я больше не могу, у меня голова закружилась.

И они мгновенно опустились на старт — на свою старую, привычную Землю. — Ну, что? — спросил второй мудрец, когда они отдышались. — Разве ты не пылинка?

— Да, ты прав, — ответил первый. — Я благодарен тебе за урок. Человек действительно исчезает в сравнении с такими пространствами. Но ведь тем больше чести для нас, что при своём маленьком росте мы сумели забраться так далеко. Шутка ли, шестьсот миллионов лет светового пути!

— Ну, положим, мы побывали там только в воображении. Попробуй-ка на самом деле оторваться от земли и долететь хотя бы только до луны. Этого ты не можешь.

— Пока ещё не могу. Пока что я странствую по вселенной только при помощи телескопа. Но ведь телескоп построил человек! Оставаясь на земле, человек взвешивает звёзды, как на ладони, и измеряет расстояние до самых отдалённых миров. Ты говоришь, что человек — карлик. Но ты ещё не выдал настоящих карликов. Пойдём по той же дороге в обратную сторону, и ты сам скажешь, что человек — великан.

И вот мудрецы опять в пути.

Они взглянули на яблоню и увидели крошечную гусеницу, которая спускалась с листика на землю, держась за тоненькую паутинку.

— Погляди, — сказал первый мудрец второму. — Поставь себя на место этой гусеницы, и ты покажешься себе чем-то вроде небоскрёба. Она спускается к твоим ногам, как на лифте.

— Конечно, — сказал второй мудрец, — человек гораздо больше гусеницы. А всё-таки она причиняет ему немало хлопот. Если бы он не вёл с ней войну, она съела бы все листья на яблонях и окутала бы их, как саваном, своей паутинкой. Только заставь, и такие маленькие создания опустошат все поля и сады, созданные человеком.

Путники пошли дальше и увидели странное существо, которое было раз в сто меньше гусеницы. Оно было похоже на резиновый мешок, которому вздумалось пуститься в странствие по белому свету. За неимением ног оно обзаводилось ими по мере надобности: выпячивалось вперёд и переливало в это подобие ноги всё своё содержимое. Трудно было бы выдумать такую тварь, если бы она не существовала на самом деле.

— Для неё и муравей — великан, — сказал первый мудрец. — А человек — и подавно.

Но второй мудрец только покачал головой.

— Да, — сказал он, — амёбе далеко до человека. А сколько она может причинить ему неприятностей, если попадает к нему во внутренности!

Они снова пошли по дороге. Это была удивительная дорога: чем дальше они продвигались по ней, тем меньше становились вещи, которые попадались им на встречу. Зато всё, что оставалось позади, казалось им всё больше и больше.

Они заглянули в каплю болотной воды и увидели, что это не капли, а настоящий акваариум. В ней носилось множество существ, которые были совсем непохожи на животных нашего большого мира. Они скорее напоминали наши вещи: одно существо было похоже на рюмку, другое — на бутылку, третье — на туфельку. У некоторых по всему телу были быстро мелькавшие реснички. Другие шныряли взад и вперёд, взмахивая, словно вёслами, длинными жгутиками.

— Ну, что? — сказал первый мудрец второму. — Разве ты рядом с ними не кажешься самому себе горой Эверестом? Но и они станут великанами, когда мы пойдём дальше.

Они увидели столбик со стрелкой и надпись: «Дорога в царство микробов». Не успели они сделать несколько шагов, как обитатели этого царства окружили их со всех сторон. Вокруг кипели тысячи палочек, зачатых, шариков, цепочек, спицелей.

— Погляди, какие они маленькие, — сказал первый мудрец второму. — Их

тоже нельзя мерить на наш человеческий аршин. Тут в ходу другая мера — микрон, тысячная доля миллиметра. По сравнению с ними ты больше земного шара. А ведь есть ещё меньшие существа, которых и в микроскоп не увидишь.

Но второй мудрец только тяжело вздохнул.

— И этикие пигмеи, — сказал он, — причиняют столько страданий твоему человеку-великану! Они заставляют его перенести самые мучительные болезни. И это ещё трудно сказать, кто сильнее: он или эти существа, которые в миллионы раз меньше его.

Они шли всё дальше, всё быстрее и быстрее. На придорожных столбиках мелко написли: десять микронов, микрон, сто миллимикронов. Счёт уже шёл на миллимикроны — тысячные доли микрона.

Кончилось царство невидимок. Ни одно живое существо не попадалось больше нашим путникам навстречу.

Дорога приближалась к атомам — мельчайшим кирпичам мироздания, из которых построено всё: и звезда, и дерево, и человек, и микроб.

Мудрецам попался на пути сверкающий на солнце кубик — кристалл соли. Они заглянули в него, как в дом, и увидели тысячи атомов, которые были там расставлены в строгом порядке, на одинаковом расстоянии один от другого. Можно было подумать, что кто-то долго и старательно нанизывал их на прутья решётки, заполнявшей всё здание. Но самое удивительное было то, что прутьев этих не существовало, а атомы всё-таки держались на своих местах.

Впрочем, атомы не всегда и не везде соблюдали такой порядок. Кое-где попадались обломки кристаллов, словно разрушенные здания.

А в воздухе атомы выплясывали танец дикарей. Они плясали парами. Одна пара сразбегу сталкивалась с другой, отскакивала от неё в сторону и снова на что-нибудь и на кого-нибудь налетала.

— Погляди на свой мизинец, — сказал первый мудрец второму. — Разве он не кажется тебе по сравнению с атомом громадным, как те звёзды, которые мы только что видели? А ведь атом — это ещё не конечная станция.

Они понеслись дальше. И атом, который только что казался им точкой, стал расти, раздвигаться, шириться. И они увидели, что это уже не атом, а целый мир.

В центре этого мира было своё солнце — ядро атома, а вокруг ядра роями кружились ещё меньшие частицы — электроны. Они кружились так быстро, что все вместе казались одним сверкающим облаком. Мудрецам казалось, что они заглянули в бездну.

— Довольно! — крикнул второй мудрец. — У меня голова закружилась.

И они снова мгновенно вернулись на старт — под ту яблоню, от которой начали своё путешествие.

Когда они пришли в себя, первый мудрец сказал:

— Ну, теперь спору конец. Ты согласен с тем, что человек — великан?

— А ты согласен с тем, что человек — карлик?

— Мы оба правы. Если человек — пылинка по сравнению с горой, то он гора по сравнению с пылинкой.

Динамо в Кардифе. Английские футболисты подарили им в знак дружбы шахтёрские лампы.

С МЯЧОМ В АНГЛИЮ

На родине футбола

В Англии, на родине футбола, нас, московских динамовцев, встретили, по английскому обычаю, довольно сухо: без флагов, без музыки, без цветов...

Официальные представители английской футбольной федерации приехали на лондонский аэродром, холодно пожали нам руки и отдали «на растерзание» корреспондентам газет. Нас обступили, появились блокноты, посыпались вопросы.

Но у нас тоже свои обычаи: мы зря болтать не любим, и до поры до времени мы решили помолчать.

И всё же не успели мы приехать с аэродрома в город, а газетчики на улицах Лондона уже размахивали экстренными выпусками газет и кричали о том, что из Москвы прилетели «одинадцать молчаливых людей в синих пальто» и привезли с собой «таинственные чёрные ящики».

А с ящиками получилась такая история. Когда мы собирались в Англию, нам посоветовали: Лондон Лондоном, а еду берите лучше из Москвы... Мы послушались и погрузили в самолёт ящики с продовольствием. Вдруг в последний момент кому-то показалось, что у ящиков не совсем приличный вид. Тут же, на аэродроме, достали чёрной материи, по дороге, в полёте, обшили ящики, и вид у них действительно стал внушительный и немного таинственный. Наше молчание подогревало репортёрское любопытство, и пошли догадки: что привезли динамовцы в чёрных сундуках?

В. Синявский

Лондонцы дивились на наши чёрные ящики, а мы — на их «гостеприимство»: прямо с аэродрома нас повезли в казармы королевской гвардии. Мы было согласились: казармы так казармы, тем более гвардейские. Приехали. Минут сорок ждали, пока принесли огромный ключ и открыли ворота. А посмотрели: на стенах плесень, паутина, грязные койки, жёсткие валики вместо подушек... Не понравилась нам эта «роскошная» обстановка, и поехали мы в советское посольство. Переночевали, а утром за завтраком нам подали газеты с заголовком на всю страницу: «Московские спортсмены спрашивают Лондон: где им переночевать сегодня?» И не успели мы позавтракать, как в посольстве затрещали телефоны: звонили хозяева отелей и пансионов, звонили и частные лица, предлагали поселиться у них. На другой день мы расположились в хорошей гостинице и стали готовиться к встрече с англичанами на футбольном поле.

Наши противники

Для нас важнее всего было посмотреть, как играют наши будущие противники.

И вот в ближайший календарный день мы поехали смотреть, как играет команда «Челси», первая из английских команд, с которыми нам предстояло встретиться.

Поездка эта дала нам очень много. Во-первых, мы увидели блестящую технику английской игры. Английские футболисты прекрасно владеют мячом. Они останавливают его так, точно он сразу прирастает к земле.

Водят и передают друг другу мяч так, что кажется, будто вместо ног у них цепкие руки, а бьют так, что мяч летит, как из пушки с хорошим оптическим прицелом. Особенно отличались в тот раз центрфорвард команды «Челси» Томми Лоутон, которого английские болельщики прозвали «грозой вратарей». По воротам он бьёт безукоризненно, редкий его удар удаётся отразить. Но главное, что удалось нам понять во время этой игры,— это то, что играть с англичанами мы можем. Не потому, что наши футболисты играют лучше английских. Нет, каждому из наших игроков есть чему поучиться у англичан. Но все вместе, в коллективе, наши футболисты сильнее.

Английские футболисты консервативны. Они не любят никаких новшеств, и тактика игры у них такая, от которой мы отказались много лет назад.

Блестящая техника отдельных игроков, а наряду с этим довольно вялый темп, однообразные, простые комбинации... Сначала нас удивило это, а потом мы поняли: иначе и быть не может. Ведь это профессионалы—люди, которые играют за деньги. И тому же Лоутону куда важнее его личная слава футболиста-виртуоза, чем спортивная честь команды, в которой он играет. Ведь от его славы зависит размер жалования, которое он получает, а команда—сегодня одна, а завтра может быть и другая—всё зависит от коммерческих расчётов хозяев английского футбола. Как раз так и случилось с Лоутоном накануне нашего приезда: хозяева команды «Челси» «купили» его по сходной цене... Купили, конечно, не самого Лоутона, а контракт, который он в своё время заключил с другим хозяином; но, так или иначе, старый хозяин получил 14 тысяч фунтов стерлингов, Лоутон стал играть за «Челси», а ему самому от этой сделки досталось всего 500 фунтов. Впрочем, он и этим был очень доволен.

Перед боем

Вторым важным делом для нас была тренировка.

И тут перед тренером команды Михаилом Якушиным встала трудная задача. С одной стороны, нужно было тренировать команду всерьёз, а с другой—нельзя было показать англичанам настоящей класе нашей игры. И вот часа полтора динамовцы попрыгали по зелёной травке, сыграли «своя на свою», и спортивные обозреватели английских газет, посмотрев на эту игру, стали хором ободрять лондонцев. «Играют динамовцы хорошо,— писали они,— примерно двадцатое место могли бы занять в Англии».

Мы прочитали и... решили промолчать.

И вот мы едем на стадион. Со всех сторон тянутся туда же непрерывным потоком автомобили, велосипедисты, пешеходы. У входов идёт бойка торговли билетами—настоящими и фальшивыми. Хозяева домов, расположенных недалеко от стадиона, приглашают болельщиков поставить, конечно за деньги, на хранение машины и велосипеды.

В проходах на стоячие места (а их на английских стадионах девяносто процентов)

Перед началом матча оркестр исполнил гимн и песни Советского Союза.

Капитаны команд «Динамо» и «Кардиф» перед боем.

страшная давка. Проходы эти узки, как коридоры, и в самом узком месте стоит турникет-автомат, который не пропускает человека, пока тот не опустит монету.

На трибунах и на стоячих местах, на ограде и на крышах трибун черно от людей. Только самое поле не занято. У границ его прямо на траве сидят счастливицы, забравшиеся сюда часа за три до начала игры. Они неспеша закусывают, пьют кофе, предусмотрительно принесённое в термосах.

Болельщики и профессиональные футболисты, пришедшие посмотреть игру, чопорные лорды в ложах и обтрёпанные мальчишки, примостившиеся на столбах рекламных плакатов, громко обсуждают шансы противников и тут же закладывают пари. Люди стоят плотно, как шпроты в банке. Кажется, и повернуться негде, а народ всё прибывает и прибывает.

За десять минут до начала игры динамовцы в своих голубых футболках вышли потренироваться перед игрой.

Стадион загудел, как гигантский улей. Публика встретила москвичей тепло. Ожидая разгрома, нам заранее сочувствовали.

Мы верили в свои силы, и всё-таки мы

волновались. Да и как было не волноваться нашим ребятам, впервые выступавшим в международном матче с первоклассной командой, которая ни разу не проиграла на своём стадионе! И это волнение сказалось.

Ничья

Капитан команды «Челси» Джон Гаррис передал Семичасному букет цветов. Команды разошлись по местам. Свисток судьи... и мяч замелькал в воздухе. Бесков, Карцев, Бобров наседают на англичан, бьют по воротам, но мяч идёт неточно, и первые двадцать минут игра не приносит результата. Но вот мяч на нашей стороне, он уходит на корнер. Англичане бьют, Лоутон принимает мяч на голову и вносит его в ворота «Динамо». Счёт 1:0 в пользу «Челси». Москвичи начали с центра, и мяч снова у ворот англичан. Их защитники и вратарю приходится здорово работать. Наши играют лучше, это ясно, но арифметика игры — счёт — в пользу англичан. Ещё раз Хомич достаёт мяч из сетки, а немного спустя свисток судьи обрывает игру. Первая половина первого нашего матча закончилась со счётом 2:0 в пользу «Челси».

Не помог и одиннадцатиметровый удар, назначенный в ворота англичан: Соловьёв промахнулся, мяч вместо ворот попал в лоб одному из болельщиков и ударился так звонко, что мне показалось, будто удар пришёлся по штанге...

И снова свисток судьи. Снова мяч из конца в конец летит над зелёным полем. Бьют по воротам наши, бьёт Лоутон, но Хомич, которого английские болельщики прозвали «тигром», делает невероятные броски и берёт «мёртвые» мячи.

21-я минута второй половины игры не меняет положения: игра наша, а счёт их! Но вот, прорвавшись вперёд, Карцев бьёт по воротам. Счёт 2:1. А семь минут спустя Архангельский сквитал и второй мяч. Над стадионом стоит рёв. Англичане рвутся вперёд, и за десять минут до конца игры Хомич вынимает третий мяч из сетки. Англичане хитрят, отыгрываются на аутах, стараются замедлить темп и ход игры, но динамовцы уже окончательно оправились от волнения. Они знают, что проиграть нельзя. И вот, собрав весь свой опыт, всё умение, всю спортивную

«злость», спокойно и точно динамовцы проводят свои комбинации, и, заканчивая одну из них, Бобров забивает третий мяч в ворота «Челси»... Три минуты спустя свисток судьи извещает о конце игры...

В Лондоне

Через полчаса уже вышли газеты с описанием этого матча. Спортивные обозреватели растерялись. Теперь они писали, что динамовцы — первоклассные игроки, печатали портреты наших футболистов, назначали цены, которые, по их мнению, можно было заплатить за наших игроков...

А мы тем временем отдыхали, осматривали Лондон и готовились к новой серьёзной встрече — с командой клуба «Кардиф-Сити».

В Лондоне для нашего советского глаза много непривычного. Нас поражали тихие улицы в аристократической части города, чопорные джентльмены с каменными лицами, нарядные леги с целыми сворами разноцветных собачек. В Гайд-парке мы видели чистеньких старичков, которые с увлечением пускали по маленькому озеру игрушечные кораблики. Были мы и на площади адмирала Нельсона — национального героя Англии. Сюда с разных концов города приходят своего рода болельщики кормить голубей, которые огромными стаями летают над площадью, гуляют по мостовой, вокруг памятника адмиралу и живут тут же поблизости, на чердаках городских домов...

Видели мы и крытый стадион, вмещающий двенадцать тысяч человек. Там устроен большой бассейн, в котором днём можно плавать, а вечером воду в бассейне замораживают, и бассейн превращается в каток. Здесь играют в хоккее и занимаются фигурным катаньем.

Но больше всего нас поразило на улицах Лондона то, что даже мальчишки чинно ходят там по тротуарам, а мостовые безраздельно отданы автомобилям, которые мчатся со скоростью 60—70 километров в час.

В Кардифе

Два дня спустя мы были уже в Кардифе, в центре угольного района Уэллса.

Над входом в «Сентраль-отель» висел плакат «Добро пожаловать, наши советские го-

«Динамо» нападает. Игрок всё ближе и ближе к воротам противника. Спасая положение, вратарь сделал отчаянный бросок. Поздно. Метким ударом мяч забит в ворота англичан.

Советские футболисты Бобров и Радикорский кормят голубей на площади адмирала Нельсона.

сти». Газеты особо подчёркивали, что мы, несмотря на короткий срок пребывания в Англии, согласились играть именно в Кардифе — горняцком районе Англии. Нас пригласили осмотреть шахты, заводы, порт... По случаю нашего приезда уэльский хор исполнил народные песни и даже разучил две песни на русском языке.

Теперь мы по опыту знали, что можем играть с англичанами, но мы знали и то, что команда «Кардиф-Сити» сильнее «Челси».

И когда раздался свисток судьи, мы увидели, что такое настоящий английский футбол.

С первых же минут нас прижали к воротам, и «тигру», который сразу стал любимцем публики, пришлось поработать. Игра шла так быстро, что даже мне, привыкшему к хорошему темпу, трудно было следить за мячом.

10:1

Англичане играли отлично, но и динамовцы, ободрённые первым успехом, не сдавали. На этот раз никто уже не волновался, комбинации стали сложнее, удары точнее, и один за другим три мяча оказались в воротах англичан.

Начался второй тайм. Англичане встретили нас тем же бешеным темпом, но мы, по указанию Якушина, ещё усилили его. Этого не ждали игроки «Кардиф-Сити». Один за другим посыпались мячи в их ворота. Счёт 5:0, 6:0, 7:0, 8:0!

Победа обеспечена... Хомич успокоился, стал играть «для публики», красиво выбежал вперёд и тут же был наказан: над его головой в ворота «Динамо» влетел мяч.

Динамовцы нажали ещё, и ещё два раза англичане начали с центра. Игра закончилась со счётом 10:1 в пользу «Динамо».

Звуки оркестра, крики, которыми приветствовали нас, — всё это слилось в протяжный гул... А в Лондоне, куда мы вернулись на другой день, газеты ответили нам целые страницы. На этот раз писали, что московское «Динамо» — лучшая команда, когда-либо приезжавшая в Англию.

„Арсенал“ бьёт тревогу

Следующий матч нам предстояло играть с командой знаменитого клуба «Арсенал». Этот клуб существует десятки лет. Команду «Арсенала» знают в Америке, в Австралии, в Европе. Всюду побывавши арсенальцы и всюду показали себя отличной командой. Но когда мы сыграли 10:1 с «Кардифом», «Арсенал» забил тревогу. Мистер Джордж Алиссон, директор и хозяин «Арсенала», заявил, что команда не устоит против «Динамо». Он сулил любые деньги футбольным «звездам», призывал лучших игроков страны «спасти честь английского футбола», и в результате в составе команды, который был опубликован перед игрой, оказалось только четыре игрока «Арсенала», остальные были игроками сборной Англии.

Сборная так сборная, решили мы, но перед матчем капитан «Динамо» Семичасный заявил в газетке, что мы играем со сборной командой Англии, выступающей под спортивным флагом «Арсенала».

Лондонский туман

Об этом матче трудно рассказать. Когда мы пришли на стадион, как обычно заполненный доотказу, начал спускаться туман. С каждой минутой он становился всё гуще и гуще, и, когда пришло время начать игру, я уже не видел ворот. Тогда мы предложили мистеру Алиссону перенести игру на другой день.

— Нет, это невозможно, — заявил мистер Алиссон, — билеты проданы, деньги в кармане, пари заключены, ставки сделаны.

Мы прекрасно понимали, что туман выгоден «Арсеналу». Там, в Лондоне, туман — обычное явление, и мы, не привыкшие к игре в тумане, оказывались в худшем положении. Но делать нечего. «Ставки сделаны» — надо играть...

Мы начали хорошо: на первой минуте публика услышала гол, забитый в английские ворота. Именно услышала, потому что увидеть мяч могли только те, кто стоял у самых ворот.

Англичане обозлились. Они всегда играют довольно грубо, а здесь, в тумане, полностью показали свой «стиль». Одного за другим они «ковали» наших игроков. Выбыл Леонид Соловьёв, досталось Орешкину, который его сменял, разбили голову Семичасному...

Особенно отяжился центрфорвард «Арсенала» Крук. Он так усердствовал, что после

матча сами же английские футболисты хорошо отлупили его за грубую игру.

Отличился и мистер Алиссон. Когда в первом тайме англичане почти подряд забили три гола в наши ворота, мистер Алиссон с масляной улыбкой предложил «мистеру» Якушину прекратить игру.

Но тут уже «мистер» Якушин напомнил, что «ставки сделаны», и согласился, так и быть, доиграть до конца.

Наши взяли себя в руки, собрались, подтянулись — и результат сразу оказался. Счёт 3:2... Вслед за этим свистали третий гол.

Алиссон уже настойчиво предлагает кончить игру... Но тут «мистер» Якушин перестал понимать английский язык даже через переводчика, и игра продолжалась.

Когда вратарь «Арсенала» вынул из сетки четвёртый, последний мяч, мистер Алиссон упал в обморок: он поставил большую сумму на свою команду и... проиграл.

Последняя встреча

Опять нас хвалили газеты, фотографы и репортёры бегали за динамовцами. В гостиницах какие-то люди просили автографы. А мы отдыхали, залечивали раны, полученные в последней схватке, и думали, какую команду выставить для игры с «Глазго-Роджерс» — одной из сильнейших команд Шотландии.

Шотландцы — старые футболисты. Именно в Шотландии зародился футбол, и старый спор — кто лучше играет: шотландцы или англичане — до сих пор не решён. Шотландцы играют быстро, комбинировано хорошо и в технике не уступают англичанам.

Команда «Глазго-Роджерс» встречала нас в лучшем составе, в лучшей форме. Мы же устали, часть наших игроков выбыла. Шансы складывались не в нашу пользу, и шотландцы отлично понимали это. Они встречали нас тепло, дружелюбно, но непременно хотели нас обыграть. И когда накануне матча мы поехали прокатиться на катере, со всех пароходов нам махали флажками, поздравляли с прошлыми успехами и... предсказывали счёт 2:0, 5:0 и даже 10:0 в пользу «Глазго-Роджерс».

Матч с первых же минут пошёл очень интересно. К 24-й минуте мы уже имели счёт 2:0 в нашу пользу. Но тут судья Томми Томпсон, которого шотландцы очень любят за то, что он часто даёт штрафные в ворота гостей, дал одиннадцатиметровый удар в наши ворота. Это было неправильно, и после кинофильма показал, что Томпсон «подсудил» своим. Но на поле не спорят... А результат этот удар не изменил: мяч пошёл в штангу, а потом — на корнер.

Только к концу первого тайма шотландцам всеми правдами и неправдами удалось за-

Девятый мяч в воротах команды «Кардиф».

бить один гол. Зато второй гол во втором тайме они забили нам просто «неправдой». Мяч вышел за ворота, судья дал свисток, назначил свободный удар.

Но пока Хомич собирался ударить по мячу, судья передумал, посоветовался со своими и... назначил одиннадцатиметровый в наши ворота.

Счёт сравнялся. Матч закончился, а вместе с ним заканчивалось и наше спортивное путешествие.

Мы собирались домой, увозя с собой две победы и две ничьих. 9 голов мы получили в свои ворота, 19 забили в ворота англичан. Такого успеха не знала ни одна команда, выступавшая в Англии...

Секрет победы

Газеты провожали нас, поздравляя с победой и в то же время сожалея о том, что мы уезжаем, не дав англичанам отыграться. Шестьдесят два предложения играть получили мы перед отъездом, но нам пора было уезжать. И когда позади остались все тревоги, когда берега Англии растаяли в тумане и мощные крылья самолёта понесли нас на родину, каждый из нас задумался: почему мы победили?

Техника английских футболистов выше нашей, зато наша тактика совершеннее. Ну а если взять их технику и сложить с нашей тактикой, а нашу тактику с их техникой, — кто победит тогда?

И тогда победим мы. Почему? Потому что у нас, как ни у кого, развита воля к победе. У нас сильны, крепки товарищеская спайка и сознательная дисциплина. Вот эти качества и на войне, и на стройке, и на футбольном поле приносят заслуженную победу советским людям.

Рисунок В. Фаворского.

Никита Кожемяка

К. Ушинский

Рис. В. Фаворского

В старые годы проявился невдалеке от Киева страшный змей. Много народа из Киева потаскал в свою берлогу, потаскал и поел. Утащил змей и царскую дочь, но не съел её, а крепко-накрепко запер в своей берлоге. Увязалась за царевной из дому маленькая собачонка. Как улетит змей на промысел, царевна напишет записочку к отцу, к матери; привяжет записочку собачонке на шею и пошлёт её домой. Собачонка записочку отнесёт и ответ принесёт.

Вот раз царь и царица пишут к царевне: «Узнай-де от змея, кто его сильнее». Стала царевна от змея допытываться и допыталась. «Есть, — говорит змей, — в Киеве Никита Кожемяка — тот меня сильнее». Как ушёл змей на промысел, царевна и написала к отцу, к матери записочку: «Есть-де в Киеве Никита Кожемяка; он один сильнее змея; пошлите Никиту меня из неволи выручить».

Сыскал царь Никиту и сам с царицей пошёл его просить выручить их дочку из тяжкой неволи. В ту пору мял Кожемяка разом двенадцать воловьих кож. Как увидел Никита царя, — испугался: руки у Никиты задрожали и разорвал он разом все двенадцать кож. Рассердился тут Никита, что его испугали, ему убытку наделали, и сколько ни упрасивали его царь и царица пойти выручить царевну, — не пошёл.

Вот и придумал царь с царицей собрать пять тысяч малолетних сирот — осиротил их лютой змей — и послал их просить Кожемяку освободить всю русскую землю от великой беды. Сжалился Кожемяка на сиротские слёзы, сам прослезился.

Взял он 300 пуд пеньки, насолил её смолою, весь пенькою обмотался и пошёл. Подходит Никита к змеиной берлоге, а змей заперся, брёвнами завалился и к нему не выходит. «Выходи лучше на чистое поле, а не то я всю твою берлогу размечу!» — сказал Кожемяка и стал уже брёвна руками разбрасывать. Видит змей беду неминуемую, некуда ему от Никиты спрятаться, вышел он в чисто поле.

Долго ли, коротко ли они бились, только Никита свалил змея на землю и хотел его душить. Стал тут змей молить:

«Не бей меня, Никитушка, досмерти! Сильнее нас с тобою никого на свете нет; разделим же весь свет поровну: ты будешь владеть в одной половине, а я — в другой».

«Хорошо, — сказал Никита, — надо же прежде между проложить, чтобы потом спору промеж нас не было».

Сделал Никита соху в 300 пуд, запрёт в неё змея и стал от Киева между прокладывать, борозду пропахивать; глубиной та борозда в две сажени с четвертью. Провёл Никита борозду от Киева до самого Чёрного моря и говорит змею: «Землю мы разделили, теперь давай море делить: чтобы о воде промеж нас спору не вышло».

Стали воду делить: вогнал Никита змея в Чёрное море да там его и утопил.

Сделавши святое дело, воротился Никита в Киев, стал опять кожи мять, не взяв за свой труд ничего. Царевна же воротилась к отцу, к матери.

Борозда никитина, говорят, и теперь кое-где по степи видна, стоит она валом сажени в две высоты. Кругом мужички пахнут, а борозды не распахивают: оставляют её на память о Никите Кожемяке.

Повесть
Николая Чуковского
Рисунки
Б. Винокурова

СЕРЕБРЯНЫЙ ОСТРОВ

ГЛАВА ПЕРВАЯ В РОДНОМ ГОРОДЕ

I

— Нести буду я, — сказал Коля и торопливо схватил две самые тяжёлые корзины, что-бы их не успела схватить мама.

Покраснев от натуги, он двинулся по шпалам туда, где прежде стояло здание вокзала.

Коля был уже выше мамы, и она, смеясь, звала его Колоколей. И часто с тревогой взглядывала на него: плечи узкие, шея тоненькая. Лучше рос бы не так быстро, да стал бы покрепче.

Она старалась от него не отстать в толпе, хлынувшей вместе с ними с поезда, и почти бежала, таща мешочки и чеходанчики, связанные между собой полотенцами. А он поспешно шагала, чтобы пройти как можно дальше, не перелохнув. Корзины валили его с ног, но он боялся, что мама заметит, как ему тяжело, и тащила. Пот затекал ему в глаза, и он почти ничего не видел. Наконец, он совсем выбился из сил, поставил корзины, выпрямился и вытер лоб.

Теперь развалины вокзала, похожие на старую крепость с зубчатыми стенами, арками, башнями, были совсем близко. Прошло почти четыре года с того дня, когда мама и Коля уезжали отсюда. Тогда вокзал был цел и казался Коле огромным. Их провозжал папа, посадив их в вагон, перетаскивал корзины, которых было куда больше. Весь тот день из-за реки доносился гул орудий, как гул моря. Самолёты, блестя на солнце, вли в синем небе, дробно щёлкали зенитки, асфальт внезапно вздрагивал под ногами от дальних взрывов авиационных бомб. Но вокзал был цел тогда и успокаивал своим привычным видом, своими часами, газетными киосками, багажными тележками.

Теперь от вокзала ничего не осталось, кроме двух зубчатых стен с широкими проломами, и самым удивительным казалось то, что стены эти попрежнему были вокзалом.

Коля проволоч корзины почти через весь вокзал, но возле пролома, за которым уже видна была привокзальная площадь, снова опустил их на пол. У него звенело в ушах, сердце громко стучало, и он чувствовал, что не может протолкнуть корзины больше ни шагу. А ведь их нужно пронести через весь город, до самого дома. Ему было неловко перед мамой. Он чувствовал, что она стоит рядом и ждёт. Он боялся взглянуть на неё.

Но, робко поглядев на неё, наконец, краешком глаза, он заметил, что лицо её совершенно спокойно. Без всякого нетерпения она смотрела куда-то в сторону и даже что-то говорила ему. Но у него шумело в ушах, и он не сразу расслышал её слова.

— Какая красивая! — повторила она.

Он взглянул туда, куда смотрела мама, и у тёмной стены увидел босую девочку лет десяти. У неё было как раз такое лицо, какое рисуют на картинках, когда хотят изобразить красавицу: большие тёмные глаза под чёрными бровями, маленький прямой нос и очень белая кожа с серыми пятнами грязи на лбу и на подбородке. Она была очень грязна и худая, одета в лохмотья, потерявшие от грязи цвет, и босые ноги её были черны, как у негритёнка. Колина мама, любившая всё мыть, стирать и чистить, сказала:

— Вот бы её вымыть!

Но Коля уже смотрел не на девочку. Рядом с девочкой, держа её за руку большой рукой, стоял высокий, горбленый человек, протянув вперёд старую зимнюю шапку. Он присидел мыло, беззвучно шевеля губами и слегка клакнясь.

Лицо нищего было обезображено длинным широким шрамом, который проходил от левого виска до правого угла рта. Нос, пересечённый шрамом, глубоко провалился и был похож на седло. Верхняя губа была справа рассечена, обнажая крупные белые зубы, и поэтому казалось, что правая сторона этого страшного лица смеётся.

Он был лыс. Глаза у него были голубые, водянистые, немигающие и совершенно неподвижные. Коля понимал, что это глаза слепца, что нищий ничего не видит, но, встретившись глазами с этим невидящим взором, невольно отвернулся.

Мама, нахмурившись, тоже пристально смотрела в обезображенное лицо. Она порылась в сумочке и вытащила рубль. Отец Коли погиб на войне, и она подавала милостыню всем калекам. Шагнув вперёд, она бросила рубль в шапку нищего.

Не вынув рубля, он напялил шапку на лысую голову и освободившей рукой нащупал железную палку, прислонённую к стене. Держа одной рукой девочку, другой палку, он медленно побрёл прочь через разрушенный вокзал. Девочка вела его сквозь толпу. Палка звенела о плиты пола.

II

— Эй, дочести? — крикнул сухонький старичок в солдатских башмаках и обмотках.

Мама внимательно осмотрела его. Он не впускал ей доверия.

— Куда вам? — спросил она.

— В свободу.

Старичок назвал цену.

Мама покачала головой.

— Сколько же дадите?

Мама назвала свою цену.

Старичок свистнул, засунул руки в карманы и отошёл.

Однако он остановился и стал смотреть на них. Мама сделала вид, что его не замечает.

— Мама, я уже отдохнул, — сказал Коля. — Я понесу.

— Оставь.

Старичок подошёл опять. На этот раз он снял кепку.

— А я вас признал, — сказал он, крутя пальцем острую бородку. — Ведь вы здешняя.

— Здешняя, — сказала мама.

— Учителя жена?

— Да, — сказала мама.

— Николая Николаевича?

— Да.

— А это его сынок?

Мама кивнула.

— Похож. Так я вам донесу.

— А сколько возьмёте?

— Сочтёмся.

Старичок был ростом не выше Коли, однако он с такой лёгкостью взвалил себе на плечи все корзины и мешки, обвязав их ремнём, словно они были пустые. Нагруженный, он быстро зашагал.

Коля старался не отстать, смущённо размахивая пустыми руками. Он был удручён тем, что не может донести вещи сам: у мамы так мало денег.

Коля родился в этом городе, и ему было уже девять лет, когда его увезли отсюда. Там, на Урале, в эвакуации, он не только ничего не забыл, но с каждым днём вспоминал свой родной город всё чаще и отчётливей. Воспоминания находили на него внезапно, когда он меньше всего ждал их. Идя по чужой пыльной улице летом, он вдруг вспоминал заметённый снегом дворик своего родного дома, скворечник на раскисстой голубой иве и две протоптанные в снегу тропинки: одна — к воротам, другая — к колодцу. Это внезапное воспоминание охватывало его с такой силой, что он останавливался посреди улицы, забывая, куда идёт.

Или вдруг вспоминал ручей, который течёт в апреле вдоль тротуара, мимо белых стен собора, мимо каменной ограды старого кладбища, всё вниз да вниз, потом сворачивает на Козловскую улицу и с шумом пропадает в круглом отверстии, загороженном железной решёткой. Или улицу Ленина с подстриженными липами, с четырёхэтажными жёлтыми, белыми и голубыми домами, с кремовым зданием кинотеатра «Авангард» и громадой нового универмага, перед грандиозными стеклянными дверями которого Коля всегда испытывал трепет. Или железнодорожный мост через реку, которым гордился весь город.

Этот мост Коля вспоминал особенно часто, потому что он был виден почти со всех улиц города. Он как бы висел над городом, кружевной, узенький, гукаий, бросая свою тонкую тень на гладь реки.

Он часто видел свой город во сне, и чем дальше, тем чаще. Это были счастливые сны. Какая грусть охватывала его, когда он просыпался после такого сна!

Но, выйдя из вокзала в свой город, столько раз вспоминавший и сшившийся, Коля ничего не узнал. Той улицы, которая вела от вокзала к центру города, не было. Не было и никаких других улиц. Человек, который нес вещи, уверенно повёл их сквозь целый лес печей и кирпичных труб, стоявших на голой земле, под открытым небом. Они проходили

Рядом с девочкой стоял высокий человек...

через калитки несуществующих заборов, через ворота исчезнувших дворов, взбирались на груды камней и всё время обходили большие круглые ямы, полные чёрной воды, в которую при их приближении звонко плюхались лягушки.

Небо было пасмурно, и в низком пасмурном небе над разрушенным городом кружились гаки, как живая, движущаяся сеть. А на земле, повсюду, среди камней, пещей и ям, с необычайной пышностью разрослась бузина. Когда-то таившаяся в глубине дворов, в глухих переулках, возле помоек, она словно вырвалась на волю и завладела всем городом.

Но, как разрушенный вокзал был вокзалом, так и разрушенный город был городом. По узким тропинкам среди труб и ям шли женщины в брюках, перепачканных известкой, рабочие с топорами, лопатами, ломами, служащие с портфелями, домохозяйки с авоськами. Мальчишки шныряли в кустах бузины, девочки прыгали через верёвочку, из-за развалин и зарослей доносились гудки автомобилей.

— Где же живут? — спросила мама у человека, который нёс вещи.

Её лицо, всегда сдержанное, спокойное — от выработанной за войну привычки не показывать своего удивления или недовольства, — было растеряно.

— Кто где, — ответил носильщик. И, помолчав, прибавил: — Под землёю.

И сразу же Коля заметил голубые столбики дыма, то там, то здесь вырывающиеся из под земли. Тропинка, по которой они шли, обходила окна, лежащие среди травы и глядевшие прямо в небо. Некоторые землянки имели вид хомячков, у них были лесенки, ведущие вниз, и там, внизу, настоящие двери. В этих хороших землянках, построенных красноармейцами, когда здесь проходил фронт, жили счастливые. Многие семьи жили просто в круглых ямах-воронках, покрытых досками и насыпав сверху земли, и даже в противотанковых рвах. Уничтоженный город ушёл под землю, но продолжал жить.

Одно только огромное здание нового универмага попрежнему возвышалось над всем городом. Перед ним уцелела даже липа — единственная из всех на улице Ленина.

За универмагом внезапно открылась ширь реки, сегодня такая же сумрачная, как небо, и над нею — железнодорожный мост.

Широкие арки его попрежнему отражались в воде, у подножья серых быков белели пенные буруны. Первая арка, вторая. Но третьей и четвёртой не было. Потом пятая арка и шестая — у того берега. Середина моста была вырвана.

Рядом с прежним мостом был теперь новый мост, временный, деревянный. Низенький, он, казалось, стался по воде. Маленький паровозик бежал по деревянному мосту, выпуская белое облачко пара.

Коля, не отрываясь, смотрел на разрушенный мост.

— Кто его взорвал? — спросил он. — Немцы? Чтобы наши не могли переправиться за ними на тот берег?

— Нет, — сказал старичок, который нёс

вещи. — Его взорвали раньше, чтобы немцы не могли уйти через реку.

— Кто же его взорвал? Партизаны?

— Мы сами думали, что партизаны.

— Не партизаны?

— Не знаю. Говорят, партизан в то время здесь уже не было. Но кто бы ни взорвал, а вышло хорошо. Когда наши ударили, немцы побросали все пушки, танки и кинулись впасть через реку. Сколько месяцев прошло, а до сих пор трупы всплывают со дна...

Казалось невероятным, чтобы домик, в котором они жили до войны, уцелел. А между тем две недели назад они неожиданно получили письмо от своей бывшей соседки Агаты, в котором она писала, что вернулась домой, в свою комнату, и ждёт их, и они снова будут соседями. Коля хорошо помнил эту Агату. Агата была толстая девушка с огромной светлой косой толщиной в руку. Она любила колоть дрова, забивать гвозди, и когда папа постоянно подшучивал над её силой. Коля всегда кидался к ней сразбегу, и она хватала его за бока и подымала на руках в воздух. Агата жила с ними в одной квартире, и комната её была рядом с их комнатой. Она пишет, что вернулась в свою комнату. Значит, и их комната уцелела.

Дом их стоял не в самом городе, а в слободе, тянувшейся на несколько километров над рекой. Берег там был низкий, сыроватый, и огромные ивы росли между домами. И когда Коля с горки глянул вниз и увидел сербристо-зелёные шапки ив и красные крыши между ними, он вскрикнул и побежал. Он понял, что слобода уцелела.

Мама побежала тоже, и они оба бежали с горки, забыв, что человек, который нёс вещи, мог скрыться, похитив всё их имущество. Коля, конечно, бежал впереди. Нет, не вся слобода уцелела. Булочная, которая была здесь, на углу, сгорела. Но вон тот дом стоит, и вон этот. Какие они стали маленькими, эти дома, словно стёжились, — наверное, от того, что Коля вырос! Вот и знакомый забор. Вот ворота.

Коля влетел в ворота, на двор родного дома. Ива, растущая возле крыльца, простирала свои ветви почти над всем двором, заслоняя небо. Коля хотел взбежать на крыльцо. Но на крыльце стояла небольшая худенькая женщина со свёрнутой из газеты самокруткой во рту. Сизый махорочный дым висел над ней. Она так странно и пристально посмотрела на Колю, что он остановился.

Во двор вбежала мама. Она вскрикнула и кинулась на крыльцо к незнакомой женщине. Они обнялись.

III

— Агаточка, это ты?! — воскликнула мама, целуя женщину на крыльце, и залакала.

Женщина кинула самокрутку на землю и залакала тоже.

Коля стоял под ивой, оцепенев. Он не знал: верить или не верить. Он не находил ни одной общей черты между той, толстой, белоzubой, румяной девушкой с длинной косой, которую он помнил, и этой, стриженной, курящей, не очень уже молодой женщиной. Мама повернула к нему своё мокрое от слёз лицо и сказала:

Нагруженный старичок быстро зашагал...

— А это Коля. Вырос, правда?

Женщина на крыльце торопливо вытерла платком глаза и тоже повернулась к Коле.

— Он стал очень похож на... — сказала она и, не договорив, осеклась.

Она чуть было не поманула о погибшем колином отце и испуганно взглянула на маму.

Мгновенная тень мелькнула в маминых глазах и сразу исчезла.

— Коля, ты не узнаёшь Агафью Тихоновну? — сказала мама. — Пойди, поздоровайся.

Коля подошёл. Агата поцеловала его в лоб. Тут только он узнал её. У неё была милая ямочка на подбородке, такая, как прежде, и серые широко расставленные глаза.

Человек с вещами вошёл во двор и остановился под ивой.

Мама совсем забыла о нём и не заметила его. Он поставил корзины на землю, снял кепку и сказал, чтобы обратить на себя внимание:

— Здравствуйте, Агафья Тихоновна. Вот привёл вам путешественников.

— Здравствуйте, Архипов, — сказала Агата.

Мама подошла к нему, раскрыла сумочку и спросила, сколько она должна.

Но он словно не расслышал и спросил Агату:

— Вы завтра Виталия Макарыча увидите? Агата кивнула.

— Скажите ему, что пока ничего нет.

— Ничего нет? — спросила Агата.

— Сколько же вы хотите? — повторила мама.

Он ласково посмотрел на неё.

— Я у вас не возьму, — сказал он, — я так, по соседству.

— Ты разве не помнишь мальчиков Архиповых? — спросила Агата маму. — Они учились у...

— А! — воскликнула мама. — Где же ваши мальчики?

— Убиты, — сказал Архипов.

— Оба?

— Оба.

Он попрощался, надел кепку и ушёл.

— А я-то боялась, как бы он вещи не украл! — сказала мама огорчённо.

Комната мамы и Коли оказалась совершенно пустой — ни кровати, ни стола, ни стула. Агата сказала, что у неё есть кушетка, лишняя, и эту кушетку можно пока поставить к ним в комнату. Но мама решила, что нужно прежде всего вымыть пол и окна. Она всегда всё начинала с мытья. Коля схватил ведро и побежал к колодцу с журавлём. Колодец был совсем такой, как прежде, и когда журавль заскрипел, Коля вздрогнул от радости: так скрипел один только этот журавль на всём свете. А между тем по дому уже разносился запах подсоленного масла: Агата жарила картошку на всех. Они наскоро пообедали в агатиной комнате, где на столике перед зеркалом лежала большая куча серо-жёлтого табака самосада. Потом мама разулась, подоткнула юбку и принялась за мытьё. Вода разбежалась по стёртым половикам. Стёкла визжали под мокрой тряпкой.

Коля сидел в углу на корзине, а Агата стояла в дверях и курила.

— Отчего ты так много куришь? — спросила мама.

— С тоски, — сказала Агата.

Нервным, порывистым движением руки она поминутно откидывала волосы, падавшие на лоб. Говорила она мало. Рассказала

только, что всё время оккупации прожила в деревне у тётки, а теперь будет снова работать здесь, в школе, — преподавать арифметику. Впрочем, об этом она писала уже в своём письме. Зато мама, шлёпая босыми маленькими ногами по мутной воде, говорила много и оживлённо. Она была возбуждена возвращением домой и всё не могла успокоиться.

Агата тоже была взволнована, но, занятая чем-то своим, видимо, только притворялась, что слушает. Когда мама смеялась, смеялась и она, но Коля казалось, что она даже не совсем понимает, над чем смеётся. И только один раз она прислушалась к маминим словам, — когда мама сказала, как они здесь в городе, на вокзале, встретили нищего с обезображенным лицом и девочку.

— Как, они снова тут?! — воскликнула Агата. — Жалко, что я их не видала. Мне непременно надо их повидать!

— Зачем тебе их видеть? — спросила мама.

— Я хочу отнять у него девочку.

Она с жаром говорила о том, что нельзя оставлять ребёнка у человека, живущего по прощайничеству, что девочке надо учиться, что вид у неё голодный и замученный.

— Он держит её за руку и никогда не отпускает, — говорила Агата. — Я по глазам её вижу, что она убежала бы, если бы он её отпустил!

Агата замолчала, но видно было, что она сказала не всё, что у неё было ещё какой-то довод, почему надо отнять девочку у нищего, и, быть может, самый важный. Помолчав, она выговорила:

— Эта девочка спасла человека.

— Кого? — спросила мама.

— Ты его не знаешь... Нашего нового завуча...

Она осеклась и с тревогой посмотрела на маму.

Дело в том, что колин папа был до войны заведующим учебной частью в той самой школе, где теперь служила Агата. И Агата боялась, что упоминание о новом человеке, который теперь занимает его должность, может огорчить маму. Но опять только мгновенная лёгкая тень мелькнула в маминих глазах и сразу исчезла. Мама спросила:

— Как же эта девочка могла спасти его?

И Агата рассказала удивительную историю. Здание школы разрушено бомбой и теперь восстанавливается. Всеми строительными работами руководит новый завуч, которого зовут Виталий Макарыч. Возле школы большая яма с негашёной известью. Попасть в эту яму — вернейшая смерть. Яму обнесли дощатым забором и, чтобы забор был виден в темноте, выкрасили его белой краской. И вот на прошлой неделе ночью кто-то разобрал этот забор. Виталий Макарыч вышел из школы и, не видя забора, обычно безвзвешенного в темноте, направился прямо к яме. Он уже занёс ногу над ямой и непременно рухнул бы в известь, как вдруг услышал за собой пронзительный детский крик. Он замер на месте, и это его спасло. Через мгновение он уже разглядел яму. Тогда он побежал на крик и в темноте наткнулся на нищего с девочкой. Девочка крикнула, чтобы предупредить его...

— А кто разобрал забор? — спросила мама.

— Не знаю, — сказала Агата. — Может быть, кому-нибудь понадобился на дрова.

Помолчала и прибавила:

— Я возьму эту девочку себе.

Тем временем мама всё вымыла. Перенесли кушетку, нашли в коридоре кухонный столик и поставили на то место, где прежде стоял папин письменный стол. Мама открыла корзину и вынула оттуда коврик.

Этот коврик Коля знал с тех пор, как себя помнил. Он висел когда-то на стенке в этой самой комнате. На нём вышиты были белки: одна глядит вправо, другая — влево, третья — опять вправо, четвёртая — влево и так дальше. Эгих чередующихся белок Коля, когда учился говорить, прозвал почему-то «вери и меря». Так коврик этот до сих пор мама и Коля называли «вери-меря».

За время войны они часто переезжали с места на место, жили во многих чужих домах, и всюду мама прежде всего вешала на стенку «вери-меря». И в чужой, непривычной комнате сразу появлялось что-то родное. Этот коврик был как бы частицей их дома, всюду следовавшей за ними.

Теперь «вери-меря» повесили над кушеткой, на то самое место, где они висели когда-то.

Стол накрыли клеёнкой и придвинули к нему самую большую корзину — вместо стула. День кончился, уже темнело. Взорванная немцами электростанция ещё не работала, и Агата принесла коптилку — аптечную склянку с фитильком. Коптилку поставили на стол, на то место, где когда-то стояла папина лампа, и на фитильке вспыхнул огонёк, словно жёлтая капля. И едва вспыхнул огонёк, на стенах зашевелились тени — мамина и агатина — совсем так, как до войны.

И вдруг Коля вспомнил, как он лежал вот в этом углу на кровати и огромная папина тень, слегка качающаяся, чернела на стене, задевая головой потолок. Сейчас этой тени не было и никогда уже не будет.

Слёзы подступили к колымным глазам. Но он справился с ними. Он никогда не плакал при маме.

— Мама, я пойду погулять, — сказал он.

Ему не хотелось, чтобы мама поняла, о ком он думает.

IV

С тех пор как из штаба партизанских отрядов пришла бумажка, в которой сообщалось, что папа погиб, мама и Коля никогда о нём не говорили. В первые дни гибель его казалась такой страшной, что они просто не могли выговорить ни одного слова, относящегося к нему. А потом это вошло в обычай, образовалась как бы преграда, которую ни он, ни она никогда не переступали. Они щадили друг друга.

Но им и не надо было говорить о нём. Коля безошибочно угадывал по мамининому лицу, когда она думала о папе. Она думала о папе почти всегда. Она ничем не выдавала себя, говорила о карточках, о булочной, о погоде, о штонке чулок, но Коля знал, что все её слова значат одно: папы нет.

Она никогда не плакала — ни в первые дни.

ни потом. Соседи в Челябинске возмущались и считали её бесчувственной. Но каждую ночь она стонала во сне. Она стонала чужим, неизвестным голосом, совсем непохожим на её дневной голос. Разбуженный стоном, Коля лежал в темноте, боясьшевельнуться.

После смерти папы в её отношениях с Колей произошла перемена. Прежде она часто кричала на него, когда он безобразничал. Особенно сердилась она, если он рвал одежду, потому что тогда достать ему она не могла. Но спустя месяца два после папиной смерти они, вместо того чтобы войти в сад через калитку, влез на забор и сидел там, гримасничая, а потом, прыгнув, зацепился за кол и разорвал штаны сверху до низу. И мама, к его ужасу, не сказала ему ни слова. Она зашила штаны, не поборанив его. После этого он дня три ходил только по самой середине улиц, боясь, как бы за что-нибудь не зацепиться.

Он тоже переменялся и больше не корчил недовольного лица, когда мама посылала его в огород или за водой. Он теперь сам следил за тем, есть ли дома вода, и выхватывал у мамы из рук карточки, когда она собиралась идти за хлебом. Она теперь гораздо реже, чем раньше, просила его помочь ей, но у него образовалась привычка заглядывать ей в лицо, чтобы угадать, не может ли он чем-нибудь помочь. Он очень вытянулся за последние месяцы, и вдруг оказалось, что она ниже его ростом, и он стал понимать, что она маленькая и слабая. Иногда, как бы нечаянно, он стал называть её Марфинькой. Так называл её папа.

О папе он не говорил не только с мамой, — ни с кем. В Челябинске он учился в школе, в пятом классе, и у него было много товарищей, но о папе он не рассказывал ни одному из них. Не любил он там ни с кем говорить и о том, как он хочет домой, в родной город. С ним училось немало мальчиков из Москвы и Ленинграда, и все они очень гордились своими знаменитыми городами и очень много говорили о том, как они вернутся туда. Город, в котором родился Коля, был невелик и неизвестен, и там, на Урале, многие даже не знали, где он находится и на какой реке стоит. Но Коля любил свой город. Не за красоту, не за славу, а за то, что всё в нём было связано с папой.

Вспоминая улицы, дворы, набережные родного города, птиц, деревья, зиму и лето, Коля сразу вспоминал папу. Под ивой во дворе папа сидел на стуле и читал книгу, а Коля у его длинных ног строил крепость из песка и камешков. На реку, на шершавые горячие мостки они вдвоём ходили удить рыбу. Папа ставил Колю на каменную ограду старого кладбища, и Коля, гордый, бежал по ней, держась за поднятую папину руку. А когда Коля поступил в школу, они ходили туда с папой вместе: Коля — учиться, папа — на работу. С каким удовольствием шагал Коля по тротуару улицы Ленина рядом с папой, таким высоким, важным, и разговаривал с ним о разных умных вещах: о людях каменного века, о мамонтах, о том, что на Луне нет воздуха. А как он гордился в шко-

ле, что этот высокий человек с подстриженной светлой бородкой, которого слушатели не только ученики, но и учителя, о котором почитательно говорят: «Сам Николай Николаевич!» — его папа.

Когда немцы подходили к городу, Коля и мама уехали, а папа остался. Коле тогда сказали, что он выедет вслед за ними через несколько дней, и Коля сначала поверил этому. Но мама, конечно, всё знала, и Коля тоже скоро догадался: видел, что мама не ждёт. Папа остался в городе с партизанами, и два с лишним года не слышали они о нём ничего, а потом пришло известие о его гибели.

Коля вышел на крыльцо. Уж совсем стемнело. Дул тёплый ветер, и огромная ива шелестела над его головой своей тяжёлой, незримой во мраке листвою — словно озеро шумело вверх. И Коля внезапно вспомнил этот шум: ива вот так же шумела под ветром и тогда, до войны. Она уцелела, старая ива, а город, лежащий кругом, во тьме, разрушен. Папа был здесь, в городе, когда сюда входили немцы, он бродил при немцах по этим улицам, он видел всё, чего не видел Коля. Они охотились за ним, они травили его, как волка. Где он прятался? Где спал, где ел? Он сам охотился за ними, взрывал, убивал. Он жил странной, удивительной жизнью, которую нельзя себе представить, — беззвучный, как тень, незримый, как вихрь. Ему было холодно, голодно, больно, его томила тоска. Он ничего не знал о Коле и маме, но он думал о них. Что он думал? Он был здесь, когда наши прорвали фронт далеко на востоке и уже двигались к городу. Как он, наверно, ждал! Он, может быть, был жив ещё даже тогда, когда немцы перед уходом взрывали и жгли дома. И вот немцы сгинули, город свободен, мама и Коля вернулись домой, а его нет и никогда не будет.

Если бы хоть знать о нём что-нибудь, собрать его жизнь по кусочкам, по обрывкам, понять, что он делал, что думал, как умер! Чтобы он жил — хотя бы только в уме, только в памяти, — чтобы можно было, оставшись наедине, поговорить с ним.

Далёкие гудки паровозов звучали в темноте печально и звонко. Постояв на крыльце, Коля вдруг озяб — не оттого, что было холодно, а оттого, что он очень устал за день. Он вернулся в комнату, разделся и лёг на сенничке, который мама расстелила для него на полу возле кушетки. Огонёк на копилке мигал, и белочки на коврике «вери-мери», казалось, двигались, как живые.

Мама и Агата сидели за столом и разговаривали прерывистым, быстрым шопотом.

Слов их Коля не слышал да и не прислушивался. Он засыпал.

И вдруг, за мгновенье до сна, он услышал, как Агата сказала:

— Немцы убили их всех разом, весь отряд, восемнадцать человек. Накануне того дня, когда взорвали мост.

У Коли всё похолодело внутри. «Это она о папиной гибели!», — понял он.

— Говорят, их кто-то предал, — сказала Агата.

Мама заплакала. Наконец-то! Хорошо, что она плачет.

(Продолжение следует)

Наша родина — самая большая страна в мире, она в четыре раза больше всех европейских стран, вместе взятых, и почти в три раза больше США.

От Карпатских гор через среднерусские и приволжские равнины, величественные склоны Урала, дремучую сибирскую тайгу, дикие хребты Забайкалья и Саян, непроходимые приамурские леса протянулась она до берегов Тихого океана.

В каждом номере мы будем печатать фотографии нашей чудесной родины. Подобно тому, как каждая капелька воды отражает в себе солнце, эти фотографии помогут вам представить великую страну, в которой мы живём.

Северный морской путь

Суровая, величественная Арктика с незапамятных времён влекла к себе русских людей. Поморы открыли Новую Землю ещё в XIII веке, а в XV веке они уже ходили по водному пути через Карское море к устью Оби. Русские моряки и учёные на утлых судёнышках бесстрашно бороздили воды далёких морей, раздвигая границы родной земли, открывая новые острова, архипелаги, проливы и бухты. Постепенно они исследовали весь Северный морской путь. Но только в 1932 году ледокол «Сибиряков» впервые прошёл весь Северный морской путь с запада на восток в одну навигацию. С тех пор этот путь по северным морям стал нормально действующей водной магистралью. От Архангельска до мыса Дежнева, от Берингова моря до Мурманска советские корабли теперь совершают регулярные рейсы.

Край непуганых зверей

Вот они, далёкие Саянские «белогорья» из кристаллического сланца, известняка и базальта.

Здесь, на границе с Тувинской и Монгольской республиками, в 1939 году организован самый молодой из особо ценных государственных заповедников. Заповедник этот — огромный чудесный неприкосновенный край сказочно красивых скал, рек, озёр, диковинных пещер, край, населённый редкими и очень ценными зверями и птицами.

Здесь хищные соболи и горностаи ловят глухарей и рябчиков, которых здесь множество, выдры свободно бегают по берегам рек, а белок так много, что когда они прыгают с кедра на кедр, запасая орешки на зиму, то кажется, что в лесу порхают стаи голубых птиц.

Пихтовые, лиственные и кедровые леса населены медведями, лисами, лосями, росомахами, изюбрями, волками. На скалах — горные козлы, а в высоко-

горных тундрах, на мхах и ягельниках, пасутся северные олени.

Их предки, жившие в доледниковую эпоху, пришли из Северной Америки в Сибирь по суше. Тогда ещё не было Берингова пролива. Во время позднейшего оледенения Сибири льды отнесли оленей на юг. Теперь алтайско-саянский олень — этот реликт ледникового периода — очень редок.

Отсюда берут живых соболей для собожьих питомников и чернобурых лисиц — для лисьих ферм.

Лесистые Карпаты

Это красивый, живописный край. Если вы подыметесь в воздух на самолёте, перед вами откроется изумительная по своей красоте картина: на севере раскинулись дремучие хвойные леса, на юге, за перевалом, темнозелёные буковые рощи, изумрудные «полонины» — пастбища, — зелёные струи горных рек, стремящихся к Тиссе и Дунаю, виноградные лозы на склонах холмов, большие сёла, тучные нивы Венгерской низменности.

Здесь издавна живут украинцы. Жители низин — «долинняны» — землеробы, табаководы, садоводы. Жители гор — «верховинцы» — занимаются лесным промыслом, охотой и скотоводством. Огромные стада выгоняют они на «полонины». Пастухи живут в «колыбах» — шалашах, в которых горит неугасимый огонь. На ночь скот загоняют в загоны и вокруг раскладывают костры, чтобы отогнать волков и медведей.

РАССКАЗЫ О ПЕТРЕ

В. Шкловский

Рис. П. Алякринского

Пётр сам правил рукописи, посылаемые им для печати, и давал указания переводчикам.

В 1724 году он писал Феофилу Кролику:

«Понеже немцы, обыкли многими рассказами негодными книги свои наполнять только для того, чтобы велики казались чего кроме самого дела и краткого перед всякой вещи разговора переводить не надлежит... о хлебопашестве трактат я выправил — вычеряя негодное и для примера посылаю, дабы по сему книги переложены были без излишних рассказов, которые время только тратят и чтущим охоту отъемлют».

Я пытаюсь о Петре I писать коротко. Для того, чтобы «вышреченный разговор не ради празднои красоты, а для вразумления и наставления чтущему был». Это тоже слова Петра.

МОЛОДОЙ ПЕТР ПРЕОДОЛЕВАЕТ СТРАХ

По дорогам ещё держался снег, а в оврагах уже бежала холодная, мутная, стремительная вода.

Наталья Кирилловна — мать Петра — ехала в монастырь на богомолье.

Дорога тогда была всегда тяжёлая и была даже при царских поездках особый служащий. Звался он ухабничий. Смотрел

он, чтобы не перевернулся возок в пути.

Видно, ухабничий не доглядел. Въехал возок в воду.

Маленький Пётр спал на руках матери. Наталья Кирилловна тоже вздремнула. Вдруг она почувствовала, что ноги её охватывает быстрая, весёлая, взволнованная вода. Возок наклонился и начал опрокидываться. Наталья Кирилловна сильно закричала. Пётр проснулся, увидел испуг ма-

тери, воду в возке. Он был поражён страхом и заболел с того дня.

Поправившись, Пётр получил отвращение к воде, никогда не купался, не плавал, не мог смотреть на реку, на озеро, на пруд равнодушно. Он даже избегал ездить через мосты.

Так продолжалось до четырнадцатилетнего возраста.

Однажды был Пётр на псовой охоте. С ним ехал дядька его Борис Алексеевич Голицын — человек умный. Голицын привёл охоту к реке Истре.

Время было осеннее, после дождей. Река шумела.

Пётр остановил своего коня и спросил:

— Ты меня куда завёл?

— К реке, — отвечал Голицын. — Лоша-

ди утомились, запылились охотники, твой родитель на охоте всегда здесь отдыхал и лошадей купал.

Не дожидаясь ответа, тронул петровского коня Голицын и ввёл его в воду, сказав тихонько:

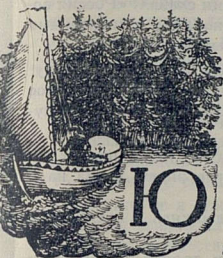
— Пётр Алексеевич, на тебя смотря.

Пётр постыдился при людях показать свой страх и осмелился въехать в реку.

Конь перевёз его через воду, и с того дня страх у Петра прошёл.

Больше того, стал он любить воду и увлекался рекой, морем и плаваньем в любую погоду до последнего дня жизни.

Так начинается человек. Надо решиться. Новая работа, новое место трудны и страшны, и надо уметь заставлять себя делать то, что кажется тебе трудным или неприятным.

БОТИК ПЕТРА ПЕРВОГО

Юный Пётр под Москвой, в Измайлове, играл на Льянном дворе.

Лён в России называли «белой казней». Лён и пеньку вывозила Россия на весь мир.

В то время удлинялись морские дороги, прямые паруса сменялись косыми. Ветер надувал паруса, вёл корабли мимо Мадагаскара в Индию, вёл в Америку.

Народы воевали из-за ветра.

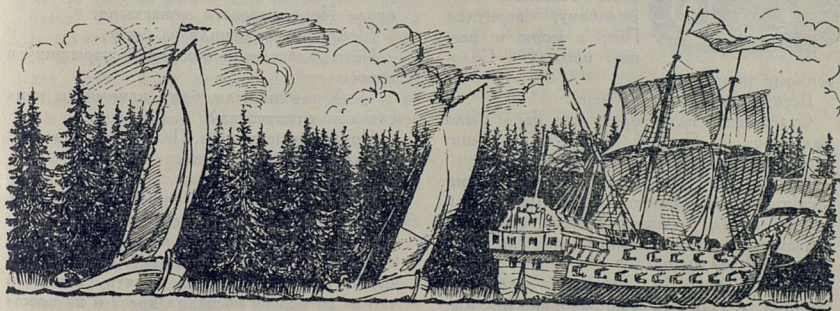
У Раблэ, в книге его «Гаргантюа и Пан-

тагрюэль», рассказывается об острове, жители которого питаются ветрами. Богатые едят ветряные мельницы, а бедные питаются поддувалами.

Тот остров можно найти на карте. Его зовут Англия.

Английские паруса и голландские паруса питались ветром. А парусина шла из России.

Пётр на льянном дворе увидел лодку странной формы, и записал он сам потом: «Нестерпела любопытная природа, миновать оное без испытанья». Он спросил у

голландца Тиммермана, обучавшего его геометрии:

— Что это за судно?

Тиммерман ответил, что это бот. Пётр спросил, чем этот бот наших лодок лучше. Голландец ответил, что бот может ходить по ветру и против ветра. Пётр сказал:

— Есть ли человек, который то судно может починить и показать его ход?

Тут вспомнили, что в Москве живёт и столарничает голландец Бранд, корабельный плотник с «Орла». Бранд починил бот, сделал мачту и паруса и спустил на Яузу.

Яуза в то время была многоводнее, чем теперь, но всё же узка для паруса. Перенесли ботик на Просяной пруд в Москве. Затем прознали, что есть Переяславское озеро, перешли туда, получив с трудом разрешение царицы.

Пётр пишет: «Когда же увидели довольноное озеро то пространство, тогда уже и явно просил матери, чтобы там двор и суда сделать. И тако вышереченный Карстен Бранд сделал два фрегата да три яхты, на которых несколько лет его величество свою охоту исполнял».

Шумел и пел над Петром мохнатый парус широкой, мужской грудью.

Узко озеро: при каждом повороте с разбега набегал на резной нос фрегата лесистый берег.

Пётр ушёл на Белое море, единственное, которое тогда имели русские.

ПЁТР В БУРЮ

В 1694 году, похоронив и оплавав мать свою Наталью Кирилловну, вернулся Пётр к морю и весною поплыл к Соло-

вецкому монастырю.

Весна в море — время бурь.

Судёнышко, на котором ехал царь, было маленькое. С Петром плали бояре, иностранцы. Все они готовились к смерти.

Кормщиком корабля был крестьянин Антип Панов. Молодой Пётр подошёл к нему и начал подавать Панову советы и указания и даже положил руку на руль. Антип сказал царю:

— Я больше тебя в этом деле знаю. Сам судно веду. Иди прочь не разбивай мне мысли. Хоть на нос пойдй — там веселее.

Позднее строит Пётр корабли на Азовском море, на Чёрном, на Балтийском. В 1722 году, после победы, вспомнил он о ботике. Ботик привезли из Москвы, обили медью.

14 августа выстроен был весь балтийский флот. Мимо него шёл ботик. Корабли салютовали ему тяжёлыми залпами, а он отвечал им из четырёх мзленьких пушек.

Ботик поставили в Петропавловскую крепость. Пётр сказал: «Кто бы мог подумать, что охота сия к большому делу приведёт, а не в игрании только юношеском останется».

Он велел написать под ботиком: «Детская потеха принесла мужской триумф».

Время шумело парусами. Уходили корабли в далёкие страны. Ветер скрипел причалами и звал Россию в открытое море.

Через сто лет Пушкин сказал: «Россия вошла в историю, как корабль с поднятыми парусами при пушечных выстрелах».

Читатель! Мир знает наш флаг, он шумит на Великом океане, мы держим Чёрное и Балтийское моря, владеем Северным путём.

Никто не знает, когда судьба подаёт человеку стремя, никто не знает, когда надо начать свой подвиг.

Вступай в стремя, держись в седле, верь в подвиг!

Шумит море, далеки дороги, только океан достоин человека.

Ввёл Антип корабль в губу, называемую Умские рога, счастливо перевёл корабль через подводные камни и пристал к пристани около Петроминского монастыря.

Мокрыми все вышли на берег.

Пётр Алексеевич подошёл к кормщику и спросил:

— А помнишь ли, брат, какими ты меня словами отпотчевал?

Кормщик испугался. Пал в ноги и сказал:

— Прости — сгубил.

Пётр ответил:

— Ты ни в чём не виноват, друг мой. Спасибо за службу, спасибо за умение.

Вынесли Петру из монастыря сухую одежду. Пётр снял с себя всё, переоделся в сухое, мокрое отдал на память Панову, а потом на берегу поставил крест и на кресте вырезал своё имя и дату той бури.

ПЛАН МОЕЙ ЖИЗНИ

Я люблю мечтать о будущем. У меня всегда множество всяких желаний, и если я увлекусь чем-нибудь, то совершенно забываю обо всём другом.

Надо, наконец, привести в порядок свои увлечения, желания, выбрать самое главное, поставить перед собой определённую цель жизни и идти к ней твёрдо и прямо, а не плыть по течению туда, куда толкнёт случай. Так живут только обыватели. А я хочу жить настоящей жизнью не только для себя, но и для других, для народа. Вот я и решил: пусть 1946 год будет началом такой жизни.

Размечтавшись об этом под Новый год, я никуда не пошёл и подумал свой план до конца.

«Время бежит непрерывно и невозвратно», — вспомнил я прочитанную в какой-то книге фразу. — Проходят последние часы старого года. Что же несёт с собой новый?

Вероятно, не я один так думал в этот вечер и не я один испытывал то особенное чувство лёгкой грусти и радостных надежд.

Почему-то пришла в голову мысль, что прошедший год похож на старую тетрадь в клысках и ошибках, что прожит он совсем не так, как я хотел, а ведь накануне 1945 года я тоже строил немало планов. Почему же я не смог осуществить их, а если и осуществил, то вовсе не так, как думал? Что мне мешало? Я задумал невозможное дело?

Нет, мне кажется, возможное. Ведь в школе-то десять лет мы учимся по твёрдому плану. И что бы это было за ученье, если бы не было этого плана? Когда я читаю про великих людей, я всегда себя сравниваю с ними. У меня как будто всё есть, что и у них, но всё-таки почему-то мои планы редко осуществляются, а великие люди всегда добиваются своей цели. Они владеют жизнью, а не жизнь ими. Почему же у меня так не получается?

Я стал припоминать и разбирать со всеми подробностями свои прошлые планы.

В прошлом году я вдруг очень полюбил ботанику. Это увлечение особенно усилилось, когда я познакомился с Фёдором Павловичем. Он начальник здешней метеорологической станции и вместе с тем страстный садовод-мичуринец. Вокруг его дома садик — небольшой, но очень

интересный. В нём нет ни одного растения, которое было бы посажено без всякого смысла.

— Это не только растения: это научные идеи, это мозг Мичурина, — говорил Фёдор Павлович и с увлечением рассказывал мне про каждое дерево, как про людей с разными характерами. И от этого весь садик вдруг ожил передо мной, и я понял всю его прелесть.

Тогда же я записал в своём дневнике план на весну и лето: «1. Собрать гербарий луговых, лесных и болотных растений и подарить школе. 2. Собрать лекарственные травы и сдать в аптеку. 3. Взять из садика Фёдора Павловича какое-нибудь интересное растение и посадить у себя дома».

И как же я выполнил этот план?

Я организовал бригаду из пяти пионеров — своих одноклассников — и с удовольствием ходил с ними в лес и на дуга, собрал множество растений, а гербарий получился всё-таки плохонький. Почему? Я люблю бродить, думаться, и пока собирали растения, всё шло хорошо, а когда надо было сесть и привести всё в порядок, высушить, разобрать по семействам, наклеить на картон, сделать надписи, мне стало скучно, надоли эти травы. Не хватило усидчивости. Я плохо высушил растения, наклеил их кое-как, — словом, не могу похвастаться тем, что выполнил план. Так, может быть, на тройку с минусом.

Весной я взял у Фёдора Павловича несколько семечек какой-то особой тыквы. С большим усердием вскопал я у себя под окном в написаннике грядку, посадил эти семечки и так радовался, когда из пухлой земли показались нежные, бледнозелёные ростки и распустились потом сильными, широкими листьями. Я внимательно следил за их ростом и аккуратно записывал в дневник — когда, на какой день появились ростки, при какой погоде и т. д.

— Ну, как твои тыквы? — спрашивал Фёдор Павлович, когда я встречал его на улице или приходил к нему.

— Хорошо, — отвечал я и всё подробно рассказывал.

Но вот как-то вечером схожу я с крыльца с лейкой, полной воды, а в калитку вваливается Лёшка Нилон:

— Идём скорей на реку! Ребята бредень достали! Рыбщи тьма!

Я сунул лейку в сени за дверь, крикнул маме в окно, что ухожу, и — в калитку во всю прыть с Лёшкой. Рыбная ловля так захватила меня, что мне уже и не до тыквы. И так дней пять. А дни как назло стояли сухие, знойные. И вот встретил я Фёдора Павловича так раз возле своего дома. Он опять:

— Ну, как твои тыквы?

— Да хорошо, — говорю, и какой-то бес тщеславия подтолкнул меня. — Хотите посмотреть?

— Хорошо, пойдём.

Вошли мы в палисадник, глянул я на грядку и прямо оторопел от стыда. На грядке вместо зелёных, сильных, мясистых листьев лежала какаш-то спившая, вялая, жёлтая дрянь. Фёдор Павлович сунул пальцы в землю и покачал головой:

— Да-а...

И такая грусть показалась у него на лице, как будто он на родного человека в гробу смотрел.

Не стоит рассказывать об этом до конца. Ясно, кем это кончилось, — тыква пропала. Я тогда многое понял...

Так в новогодний вечер я перебирал в памяти все свои неудавшиеся планы и пришёл к такому, по-моему, очень верному, выводу: они не удались мне потому, что я несерьёзно относился к своим замыслам, что у меня не было и нет терпения, настойчивости, мужества, умения всё доводить до конца. Без этих качеств нельзя выполнить ни одного плана, даже такого, как вырастить тыкву. И поэтому я решил в новом, 1946 году выработать в себе именно эти главные качества, чтобы быть настоящим человеком, а уж настоящий-то человек всегда сможет выполнить любой план.

Я хочу быть путешественником, учёным-мореплавателем — вот заветная цель моей жизни. Открывать, изучать то, что ещё никому не известно, жить среди диких народов, помогать им, как это делал Миклуха-Маклай, пересекать на верблюдах безлюдные пустыни и горные хребты, как Пржевальский, находить ещё неизвестные пути или месторождения железа, нефти, золота и все знания свои отдавать народу — что может быть лучше?!

Чтоб осуществить свою цель, мне надо заранее готовиться, выработать в себе все качества, необходимые для учёного-путешественника.

Путешественник должен быть здоровым, выносливым, и я записываю в свой план: завтра же, с 1 января 1946 года, заняться как следует лыжным спортом. Не шмыгать зря по снегу, не кататься с гор так, ради одного удовольствия, а изучить все приёмы лыжного бега, приобрести навыки настоящего лыжника-спортсмена, умеющего преодолевать препятствия — горы, овраги, лесные чащи. Это — первое.

Второе: изучить английский язык так, чтобы через год, через два я мог хоть со словарём уже читать английские книги. До сих пор в школе я учил его нехотя, думал: на что он мне? Я русский — хватит с меня и русского языка. А теперь понял, что путешественник должен знать много языков и уж английский-то непременно.

Третье: путешественник должен быть учёным, образованным человеком, многое знать. За год и должен прочитать по крайней мере пятьдесят две книги, по книге в неделю. Это немного. Читать буду не только художественную литературу, но и научные книги по географии, истории, о жизни великих людей.

Чвёртое: я не люблю заниматься домашними делами. Из-за этого у нас с мамой часто бывают споры и ссоры. Она просит сделать что-нибудь, а я отлыниваю, не делаю.

— Нельзя же думать об одних удовольствиях, надо подумать и о долге. Ты уже не маленький, — говорит мама.

И она права. То, что приятно тебе, не велика заслуга сделать. Жить на всём готовом — не пошлуг. И как это я до сих пор не понимал, что ничего не делать дома — просто стыдно?

Так вот я обдумал всё это и с завтрашнего же дня освобождаю маму от всех забот о дровах, сам буду пилить и колотить. Весной вскопаю грядки под картофель и непременно возьму у Фёдора Павловича семена тыквы, посажу и вырашу.

Пятое: путешественник должен быть хорошим организатором и думать не только о себе. Ведь он открывает Великий Северный путь или найдёт золотые россыпи не для себя, а для народа.

Я уже второй год — вожатый звена. Но, по правде сказать, не очень серьёзно отношусь к своим обязанностям, хотя и считаюсь неплохим вожатым. В новом году беру на себя обязательство: 1) уговорить своё звено тоже подумать над планом своей жизни; 2) научить всё звено ходить на лыжах; 3) организовать географический кружок и в кружке читать вечерами книги о разных странах, о жизни разных народов, о том, как люди изучали шар земной, может быть, делать доклады. Это и мне по душе да и всем будет полезно. У нас не все ведь любят читать, ленятся или читают одни забавные приключения. Мой дело — заинтересовать ребят и как можно лучше организовать работу кружка.

Ну вот и всё пока на новый год. Осталось только расписание составить, чтобы время не пропадало даром. Но я его вам не пошлю: это — дело частное и всем известное. Меня больше всего интересует самое главное: правильно ли я думаю, что надо жить по плану? Или это так — мечта?

Ученик 7-го класса
Виктор Бондарев

г. Арзамас.

В дневник вожатого звена

Конечно, всем вам, ребята, хочется, чтобы в ваших звеньях было интересно. Этого хотим и мы, открывая отдел «В дневник вожатого звена». В нём будут печататься письма пионеров, чьи звенья хорошо работают, советы учителей, вожатых пионерских отрядов, учёных, мастеров спорта.

Проводите в своих звеньях то, что понравится вам. И непременно пишите нам обо всех интересных делах вашего отряда и звена. Пусть эти странички будут вашим общим дневником, копилкой пионерского опыта.

КАЖДОМУ ДЕЛО — С КАЖДОГО СПРОС

По-моему, всегда интересно в том звене, где каждый занят делом, которое ему нравится. Мы в своём звене так и делаем. Все мы любим читать, и вот уже два сбора подряд мы читаем книгу писателя Льва Кассиля «Дорогие мои мальчишки». И всё спорим: кому какой мальчишка нравится? Но окончательно это выяснится, когда дочитаем книгу.

А дома каждый из нас сейчас занимается новым делом. Мы готовимся к большому сбору на тему «Прошлое нашего района».

Валя Злобин и я собираем сейчас материал о старинных названиях улиц нашего района. Почему, например, улица, на которой помещается наша школа, называется Домниковкой, а переулок рядом — Скорняжным. Мы побываем в музеях, устроим экскурсию по своему району и прочитаем книги о Москве, которые нам посоветует преподаватель истории.

Никто из ребят нашего звена лучше Яши Жукова и Жени Капранова не знает биографий вождей. Поэтому они делают

альбом о жизни и работе товарища Щербакова, именем которого назван наш район.

Борису Серебрякову — лучшему спортсмену звена — вместе с остальными ребятами поручено собрать материал о спортсменах нашего района.

За работу все мы взялись дружно, — значит, сбор будет интересным.

Анатолий Жаров, вожатый 2-го звена отряда 5-го «В» класса 265-й школы Москвы

Поиграйте на сборе звена

Сделайте из снега «крепость» высотой в полметра. Звено разбейте на нападающих и обороняющихся. Нападающие стараются завладеть крепостью, стянув за руки или столкнув с площадки обороняющихся. Сошедший с крепости выбывает из игры. Если за условленный срок на крепости останется хоть один обороняющийся, атака считается отбитой.

Вожатый звена прошёл

по чистому, не заснеженному снегу. Попробуйте и вы пройти за ним «след в след», так, чтобы не было видно, сколько человек здесь побывало. Кто не сумеет пройти, тот проиграл.

Один из ребят уходит и через каждые десять шагов оставляет за собой дорожные знаки — стрелки, начерченные на снегу. Через некоторое время «лисичку» идут выслеживать «охотни-

ки» — остальные ребята звена. Они выигрывают, если, найдя звеньёвого, точно скажут, сколько дорожных знаков он поставил на пути. Если же они собьются с пути или неверно подсчитают дорожные знаки, считается, что «лисичка» ушла от «охотников».

Как провести четвёртую игру, вы легко догадаетесь сами, взглянув на рисунок внизу.

Звено Зины Ершовой

Это было восемь лет назад, во время первых выборов в Верховный Совет.

На одном избирательном участке города Воронежа комиссия проверяла, всё ли готово ко дню выборов. Она зашла и в детскую комнату. Две девочки вешали занавески на окна. Марлевые занавески выглядели очень нарядно — они были вышиты, накрахмалены и хорошо отглажены. Сделали их вожатка звена Зина Ершова и Вера Румянцева. На стенах уже висели самодельные вышитые панно. Тут бы Красная шапочка, лиса с журавлём, гуси-лебеди и многое другое. Первое панно сделала Галя Белкина, а глядя на неё, принесли свои работы и другие девочки. Так получилась галерея картин из детских сказок.

Юра Зотов и Петя Крахмалов сделали из кубиков и спичечных коробок целый город с улицами, площадью и гаражом, в котором уместилось сразу три игрушечных автобуса.

В день выборов в этой комнате было так весело, что малыши, попавшие сюда, не хотели уходить.

После выборов эта комната так и осталась за маленькими ребятами. В ней играли октябрята школы № 3.

Хорошие товарищи

Товарищеское дело

Наш старший вожатый Владимир Николаевич рассказал нам о своём товарище Павле Фёдоровиче Белове. Он вернулся с фронта слепым — осколок гранаты попал ему в глаза.

До войны Павел Фёдорович работал монтажником сложных приборов. Теперь ему нужно было менять специальность. Ему очень хотелось учиться. Но как справиться с этим слепому человеку? Вот об этом с нами долго говорил наш старший вожатый. Нам хотелось облегчить жизнь человеку, которому мы очень многим обязаны. И прежде всего тем, что даже во время войны могли спокойно учиться. Мы пошли к нему и сказали, что будем читать ему вслух учебники, спрашивать о прочитанном и помогать по дому.

Палачик друзей

Случается иногда так, что нового человека сразу же все полюбит, и он всех полюбит. Так было и у нас, когда в наш класс пришла новенькая девочка, Майя Магитсон.

И вдруг оказалось, что она должна уйти в другую школу. И всё это из-за английского языка. Дело в том, что в школе, где раньше училась Майя, изучали немецкий язык. А у нас, в 333-й, — английский.

Мы все очень опечалились, а Майя больше всех. Очень ей не хотелось расставаться с нами.

— Совсем тебе не нужно от нас уходить, —

Помню, как мы пришли в первый раз. Борис Грачёв подхватил Павла Фёдоровича под руку, и мы все отправились в сарай пилить дрова. Павел Фёдорович тоже пилил, и мы видели, как ему было приятно созвонать, что он тоже может работать. Потом мы отвезли на саночках дрова на квартиру и сели читать вслух учебник литературы.

Ежедневно мы читали Павлу Фёдоровичу вслух всё, что нужно было по программе, проверяли, верно ли он усваивал прочитанное, и удивлялись его памяти — так хорошо запоминал он всё, что слушал.

Так продолжалось почти два года. Когда Павел Фёдорович стал готовиться к экзаменам, мы волновались не меньше его. Но волнения наши закончились радостно: Павел Фёдорович сдал экзамены за 8-й и 9-й классы на «отлично». Теперь он готовит курсы 10-го класса, но помогают ему уже ребята старших классов.

Пионеры 6-го класса 417-й школы

Юрий Михайлов,
Борис Хаймович.

сказала Ира Алпатова. — Если тебе хочется у нас остаться, — останешься. В два месяца мы с тобой всё наверстаем.

Иру Алпатову у нас в отряде давно прозвали англичанкой, ей удивительно легко даются языки, и она не только сама быстро схватывает, а умеет понятно и терпеливо объяснить другому. В прошлом году, когда у меня были неполадки с английским, она мне очень хорошо помогла. И вот Ира стала заниматься с Майей. У нас уроки начинаются в час, а они обе каждый день приходили к двенадцати и целый час занимались. Через два месяца Майя стала читать и переводить с английского не хуже всех нас и осталась в нашей школе.

Вообще у нас в отряде принято помогать друг другу учиться. Отстающим по математике всегда помогает Надя Белицына. Начальник штаба нашей дружины Лена Фингарская весь прошлый год занималась с девочками по литературе и русскому языку. Мы считаем, что плохие отметки позорят весь отряд, и потому мы так дружно изживаем их.

Ученица 7-го класса

Валя Бобкова

Юный инструктор

— Отставить! Зачем ты гнёшь колени?

Голос Лиды Михеевой звучит повелительно.

И девочки слушаются Лиду. Ведь мы сами про-

сили её вести с нами занятия по гимнастике.

В прошлом году, когда Лида только поступила в спортивную школу и с увлечением рассказывала всем нам о том, что там происходит, мы все ей отчаянно завидовали: «Счастливица, даже на снарядах упражняется».

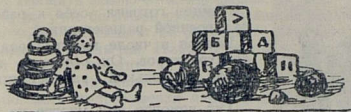
Лиде, должно быть, жаль нас стало, и она сказала:

— Хотите, я буду вам показывать всё, чему нас учат? Только будете меня слушать?

Конечно, мы обещали.

С тех пор в нашем отряде есть гимнастический кружок.

Тоня Ларионова

Подарки

Как-то нам случилось побывать в Московском доме № 8 для ребят, осиротевших во время войны. Анна Ивановна Лебедева — директор дома — рассказала нам, как в течение трёх лет существования детского дома пионерки 635-й школы Москвы почти каждый день приходят играть с детьми.

Внезапно двери с шумом распахнулись, и приёмную заполнили девочки со свёртками. Они столпились у закрытых дверей детской комнаты. Нам захотелось посмотреть, что происходит по ту сторону этих дверей, и мы вошли в детскую.

Хозяйка чинно сидела на маленьких стульчиках и хором читала какие-то стихи, но по лукавым мордашкам заметно было, что они о чём-то догадываются. И когда девочки стайкой влетели в комнату, малыши не столько удивились, сколько обрадовались.

Весело здороваясь, девочки подсади к столу и положили перед ребятами свои мешочки.

Пухленькие пальчики торопливо развязывали мешки, и мы невольно всей душой присоединились к прозвучавшему на всю комнату, захлёбывающемуся возгласу: «Лягушка!»

Ах, какая это была лягушка! Зелёная, больше-

рогая, неотразимо глупая! Не только мы, даже девочка, подарившая её, как будто впервые увидела эту лягушку во всей обаятельности. А ведь, кроме лягушки, в мешке лежали пёстренькие чулочки, фарфоровый чайник, яблоко, орехи, конфеты. И всё это было обёрнуто, упаковано, перевязано ленточками с такой тщательностью, на которую способен только любящий человек.

Везде уже затевалась игра. И на лицах ребятшек, чьи родители были убиты и замучены в фашистских застенках, сейчас стояло такое сияние, какое не в силах вызвать никакая, даже

самая затейливая игрушка. Его могут зажечь только человеческое внимание и ласка.

Подходило время ребячьего сна, и мы простились с жителями детского дома. Мы простились и с девочками. Они ещё не собирались уходить: им хотелось самим уложить спать малышей.

Ю. Нейман

В М И Р Е К Н И Г

НЕЗРИМЫЕ ПУТИ

Вы малы, чтобы помнить времена, когда столько антенн стояло на московских домах, что крыши походили на палубы фрегатом, и такая гуща проводов висела в небе, что весёлые художники рисовали галку, запутавшуюся в снастях, и подписывали: «Ах, попалась птичка, стой, не уйдёшь из сети!»

То была начальная пора радиолубительства, пора самодельных радиоприёмников, несуразных, как дилжанс, и таких бесцелостных, что ни слова не могли уловить без высокой антенны.

В эту славную пору, пору первой любви к радио, полюбил радиотехнику и мальчик Владимир Немцов и тогда же задумал сделать такой приёмник, чтобы постоянно носить его с собой и никогда с ним не расставаться.

Немцов стал мастерить приёмники-крошки. Для начала упрятал приёмник в портсигар, затем перенал его в спичечную коробку, а оттуда, войдя в азарт, — в ореховую скорлупу и, наконец, окончательно разойдясь, оправил приёмник в перстень.

Что делать с перстнем, Немцов не знал. Перстень не действовал без антенны. Вместе с перстнем пришлось бы носить с собою две мачты, высотой в лагерный флагшток. Радиотехника развивалась. Появлялись в журналах схемы приёмников без антенн. Появились в продаже радиолампы.

И Немцов добился своего: сделал приёмник, чтобы слушать радио даже на ходу.

Получился, правда, не портсигар, а чемодан. Испытания закончились в дачном поезде. Напугав соседей Немцова, чемодан рявкнул: «Точка! Новое...» Это были слова из диктованной по радио информации ТАСС.

Немцов стал мечтать о радиотелефоне без проводов, чтобы, гуляя по Тверской, разговаривать с приятелем, живущим где-нибудь на Маросейке. В ту пору начали осваивать ультракороткие волны, и Немцов запрятал в чемодан передатчик ультракоротких волн. Немцов ходил с чемоданом по городу, присматриваясь к законам поведения радиоволн. Обнаружались неожиданные явления: железобетонные здания отбрасывали радиотень, в этой тени слышимость пропадала; кирпичные дома были полупрозрачны для радиоволн; чугунные ограды глушили голос передатчика, а водосточные трубы усиливали его, как рупора.

Чем дальше, тем удлинялись и опаснее становились маршруты. Немцов летал на планерах, подымался на воздушном шаре, ухлывал на лодке в море, спускался в шахты, топил передатчик в воде. Что гнало его по незримым путям радиоволн?

Немцов знал, что настанет время и потребуется связь и с само-

лётками, гудящими в небе, и с танками, грохочущими по полям, и с подводными лодками, совершающими в глубинах моря свой незлышанный ход.

Немцов готовил себя к работе над военной радиостанцией.

Вот он в числе военных радиоконструкторов. Он работает над самой маленькой радиостанцией армии.

Тут помогло ему многое из того, что казалось забавой: и скорлупа, и перстень, когда пришлось размещать детали в фантастически малом объёме, и знакомство с причудами радиоволн, когда пришлось испытывать станцию.

И ещё помогла ему сказка, которую он слышал в детстве.

Надо было сделать тонкую, как улочка, антенну, которая торчала бы за спиной бойца и не ломалась бы даже при беге по лесу.

Все попытки не давали результатов.

Тут Немцову вспомнилась сказка из старой хрестоматии: старик-отец, умирая, говорил своим наследникам о венке, который очень трудно сломать, в то время как каждый его прутик в отдельности переломить легко.

Вот такой тонкий венок из стальных прутьев и поставил Немцов вместо нижнего колена своей антенны. Антенна стала гибкой и не ломалась.

Но про всё это интереснее нашего рассказывает сам Владимир Иванович Немцов в своей книжке «Незримые пути», вышедшей недавно в Делтисе.

Эта книжка — увлекательный рассказ о незримых путях конструкторской мысли, неуклонно стремящейся к цели.

В. Орлов

Сказание о «Змиевом вале»

В украинской степи сохранились до наших дней огромные земляные валы. Как будто великан вспахал степь исполинским плугом. Эти валы и рвы — остатки древних пограничных укреплений. За ними скрывались сторожевые отряды наших предков — славян. Здесь происходили первые схватки с кочевниками, отсюда скакали гонцы в Киев к великому князю, чтобы предупредить его об опасности.

В народе зовут эти насыпи «Змиев вал». О том, как он появился, и рассказывает сказка «Никита Кожемяка», которую вы прочли на странице 29. В предании этом сохранилась память о «делах давно минувших дней».

Нелегко жилось в те времена славянам. Из степей налетали на русскую землю кочевники, приходилось отбиваться от сильных врагов. И внутри страны приходилось вести тяжёлую борьбу. Огромные леса тянулись на сотни вёрст. В лесах много лютого зверья — ни проезду, ни проходу. Надо было пути прокладывать в непролазных чащах, очищать землю от злого зверья.

И могучие богатыри русских былин не только защищают землю от врагов, но и очищают её от всякого зла. Добрыня Никитич борется со змеем Горынычем. Илья Муромец и дороги через лес прокладывает и мосты мостит.

Никита Кожемяка — ремесленник, человек труда. Нельзя сказать точно, кого подражал народ под Змием. Может быть, это злые силы природы, может быть, поэтическое представление о врагах, которые уводили с собой в плен русских девушек и детей.

Это древнее сказание передавалось из поколения в поколение, от отца к сыну, от деда к внуку. Из него мы узнали, во что верил народ, кого он любил, на кого надеялся. И честный ремесленник Никита Кожемяка, который, совершив подвиг, снова вернулся к своему ремеслу и «за святое дело не взял ничего», так же дорог нам, как и могучий и храбрый богатырь Илья Муромец.

Ив. Халтурин

НАС СПРАШИВАЮТ:

Кто такой Льюис Карроль, автор книги «Приключения Алисы в стране чудес»?

Не у тебя одного, Костя Кривенко, возник такой вопрос. Когда английская королева впервые прочла «Алису», она пришла в восторг и вызвала всех секретарей сразу: «Что ещё написал этот замечательный писатель? Отчего я никогда о нём не слыжала?» Королева принесла стопку книг. Она открыла верхнюю и прочла её название: «Естественный трактат о детерминантах». Это всё были книги по высшей математике, толстые, серьёзные учебные труды без малейшего намека на страну чудес. Английский математик Чарльз Доджсон родился более 100 лет тому назад, был профессором Оксфордского университета и всю жизнь прожил тихо и спокойно на одном месте. Единственное его путешествие — в Россию, причём в своё «Русском дневнике» он называет Москву «вольпоблем городом», а по поводу Истории утверждает, что «по своим разнообразным красотам эти сады затмевают Сан-Оуси (знаменитый парк в окрестностях Парижа)». Профессор математики в жизни был большим чудачком. Он, например, любил ходить в гости только неожиданно, если его не звали, а на все приглашения отвечал отказом. Лучшими его друзьями были дети, мальчики и девочки, для которых он держал в своём доме игрушки, фотоаппарат, один из первых в то время, и множество сладостей. Алиса — живая девочка, дочь местного пастора. Он сочинил для неё эту сказку в лодке, во время прогулки, а записал только много времени спустя и то очень неохотно, поддался настоятельным уговорам друзей.

В 1865 году вышло в свет первое издание «Алисы». Серьёзный математик Доджсон подписал несерьёзную сказку вымышленным именем Льюиса Карроля (это называется «псевдоним»). Она имела огромный успех. Знаменитый американский исследователь оксфордской фантасии Уильям Билл сочинил в своей книге об открытии им глубоководную рыбу, сказал, что не трагит лишний слов, что она просто-напросто похожа на котика из книжки Карроля...

Этот кот замечателен, во-первых, тем, что он всегда улыбаётся, и, во-вторых, тем, что он обладает способностью внезапно появляться и исчезать. Причём исчезать кот умеет постепенно, начиная с кончика хвоста и кончая улыбочкой, которая оставалась некоторое время на месте после того, как всё остальное исчезло... «Ну, я часто видела кота без улыбки... подумала Алиса... но одна улыбка, без кота! Это — самое удивительное, что я когда-либо видела в жизни».

А между тем это — далеко не самое удивительное, что ждёт тебя, когда ты пустишься путешествовать вместе с Алисой по таинственным дорожкам страны чудес!

Н. Титов

Уголок
Библиографа

«За горами, за лесами,

За широким морями,

Не на небе — на земле,

Идёт старик в одном селё,

Ты, davvero, хорошо помнишь эти стихи. Это — начало сказки «Конёк-Горбунко». Написал сказку И. Ершов. Но кто написал первое четверостишие?.. Пушкин. Восхищённый этой поэтической сказкой, он проделал работу мастера по её тексту и даже заменил не понравившееся ему начало.

***

Сила литературы такова, что её герои порой становятся для читателя живыми людьми. Вот письмо, написанное в то время, когда английский писатель Ричардсон ещё только писал и публиковал по частям свою «Кларису Гарлоу»:

«Дорогой мой Вильям, я знаю, что вы приятель этого Ричардсона, о котором трубят весь город. У меня есть к вам деликатное поручение. Вот в чём дело. Невеста

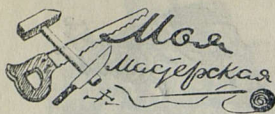
моя, Мэри Камбел, надвигая объявила мне, что если умрёт какая-то Клариса Гарлоу, то она сама умрёт от огнчания. Так передайте, пожалуйста, мистру Ричардсону, что если мисс Мэри на него пожалуется и Клариса действительно умрёт, то я с приличной компанней подстерегу его на Рождество-стриге, всенародно сниму с него парик, а если сердце подкажет, то и поволоку.

Капитан Джордж Ковентрин».

Министр, прежде чем ехать к королю с докладом, заезжал к Ричардсону узнать, каково на сегодня здоровье мисс Клариссы, так как король мог справиться об этом.

Клариса долго и тяжело болела и, наконец, умерла. Не помогли угрозы капитана...

Есть, однако, другой случай в английской литературе, когда по-стороннее вмешательство определило собой судьбу литературного героя. Кто читал роман Вальтер-Скотта «Айвенго», тот не забыл, конечно, тяжёловесного, неповоротливого, но прямодушного саксонца Ательстана... Близкий друг Вальтера Скотта был так огорчён смертью этого персонажа от руки коварного хитроумца, что ради дружбы писатель совершил невозможное: воскресил своего Ательстана. Саксонцев, оказавшись, не умер, он был только оглушён ударом.

Вот для начала и заведём в своей мастерской эти инструменты: нож, молоток, пилу, иглу. Для самых мелких работ по дереву сделайте маленькую пилку из кусочка жести от консервной банки. Жёсть нужно перегнуть несколько раз по одной линии сгиба. Она разломится. Оба кусочка нужно выправить на утюге и слегка «насечь» друг о друга, чтобы получились совсем маленькие зубцы. Вот и всё. Эта пилка прекрасно режет, только не нажимайте сильно. А когда она затупится, напеките снова, и она опять будет резать, как новая.

Старый ящик — самый подходящий материал для этого: тут и доски есть и гвозди.

Сначала ящик нужно разобрать, выколотить молотком гвозди, выпрямить их и собрать в одно место. Потом выберите две хорошие доски на полозя. Если ящик из тонких досок, можно сбить полозя из двух и даже из трёх досок, спереди срезать их пилой, а потом округлить углы (рис. 1).

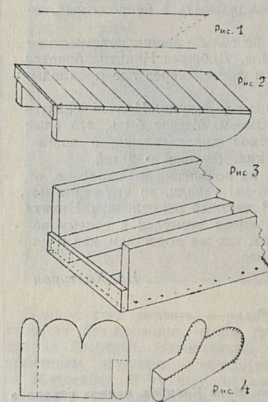
Когда полозя будут готовы, нарежьте пилой одинаковые по длине планочки и сбейте всё гвоздками, как показано на рис. 2. Одну планку, самую узкую, прибейте сзади, а изнутри прибейте два бруска (рис. 3). Вот сани готовы. Они, может быть, выйдут немножко неуклюжими, но зато сделаны они своими руками.

А чтобы руки, которыми сделаны такие хорошие сани, не замерзли на улице, придётся ещё один заказ принять в мастерскую — рукавички.

Для этого заказа материалом может служить любой кусок материи. Если материя очень тонкая, можно сложить её вдвое, втрое, наконец, можно проложить вату между двумя слоями материи и простегать. И рукавички выйдут такие тёплые, что ни в какой мороз руки не замёрзнут.

Как сделать рукавички, видно на рисунке 4. Теперь только нужно выкроить их по руке и сшить по краям. Смотрите не оплошайте и не делайте варежки на одну руку.

Множество других полезных вещей сумеете вы сделать в вашей мастерской. Об этом мы расскажем в следующем номере нашего журнала.

Попробуйте представить человека, у которого совсем нет вещей, ни одной! Мы так привыкли к вещам, что, наверно, и не сможем представить такого человека. Даже у Робинсона на необитаемом острове были кое-какие вещи.

Но вещи сами не делаются. Их делают умелые люди — мастера. Мастера на все руки, такие, чтобы могли сделать любую вещь, бывают только в сказке. Самый лучший столяр часы не делает, самый лучший ювелир не сошьёт барное платье. Но починить табуретку, сшить мешок, забить гвоздь в стенку должен уметь каждый.

Что для этого нужно? Прежде всего инструмент. Самая лучшая портниха не сумеет пришить пуговицу одними руками. Ей нужен инструмент — иголка. Нехитрый как будто инструмент, а без него швея, как без рук. Да, впрочем, как сказать: «нехитрый». Попробуй-ка, сделай её, нехитрую!

Инструменты для каждого дела разные, у каждого мастера свои. Но есть инструменты, без которых ни один мастер не обходится. Нож, молоток, пилу ты найдёшь и у кузнеца, и у переплётчика, и у слесаря. Это инструменты самые простые, но зато и самые нужные. Кто умеет пользоваться ими, тот может сделать множество полезных, нужных вещей.

СОДЕРЖАНИЕ

От нашего фоторепортёра. — Г. Санько и М. Редкин	1 п. обл.	Никита Кожемяка. — К. Ушинский. Рис. В. Фаворского	29
На Красной Площади. — Стихи С. Маршак	1 стр.	Серебряный остров. — Повесть Николая Чуковского. Рис. Е. Вилкоброва	30
Сталин — отец и создатель нашей Конституции. — Изв. К. Асаков	2	Это наша страна. — В. Якубович, Г. Тушак, В. Бельзевский	36
Как ни в чём не бывало. — Алексей Толстой. Рис. Т. Мавриной	5	Расказы о Петре. — В. Школовский. Рис. П. Алякринского	38
Китайские школьники. — Лев Рубинштейн. Фото М. Редкина	14	Плав моей жизни. — Виктор Бойдарев	41
Сказка о двух мудрецах. — М. Ильин и Е. Страл. Рис. В. Дельмара	19	В дневник вожатого звена	43
С мячом в Англию. — В. Сивяцкий. Фото Изв. Шапка	23	Хорошие товарищи	46
		В явье мин	46
		Моя мастерская. — А. Некрасов	48
		Почтовый ящик	III п. обл.

На обложке: рисунок С. Бойма „Снова в родном Ленинграде“

Редколлегия: Алякринский П. А., Атаров Н. С., Баканов Н. А., Ильина Н. В. (отв. редактор), Кассиль Л. А., Кононенко Е. В., Маршак С. Я., Орлов В. И., Сафонов В. А., Сысоева А. А., Успенский Л. В.

Подписано к печати 7/III—46 г.

Изд. № 207.

А—02013. 82×110.

1/10 бум. листа.

76 999 печ. зн. в печ. листе.

6 печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Зак. 2910.

Тираж 35.000 экз.

**Переписка читателей «Пионера»
письма, сообщения, советы, вопросы.**

Летом я жил в деревне. Встав рано утром, я уходил на болото охотиться и записывал свои трофеи в охотничий дневник. Вот мои записи:

25/VIII. Ходил на болото убил кулика.

26/VIII. Пошёл на болото и увидел стадо числов. Одного я ранил в крыло.

29/VIII. Встретил в лесу дикого голубя, ранил его, но найти не мог.

31/VIII. Убил крякового селезня.

1/IX. Я уехал домой в Москву.

В Москве у меня есть знакомые ребята-следопыты. Мы с ними ездим за город, учимся распознавать следы и зарисовываем их. Я уже хорошо знаю следы зайца.

Я хотел бы получить письма от ребят-охотников с рассказами об их охотничьих приключениях.

Коля Моисеев, 12 лет

Москва. Марьина роща,
15-й проезд, дом 12, кв. 2.

Я учусь в камышинской средней школе № 1. Мне легко даётся ботаника, потому что я знаю много различных растений. Я познакомилась с ними в Камышинском лесопитомнике, куда ходила не раз. Об этом питомнике я и хочу рассказать. Там есть и северные и южные растения: русские белостебельные берёзы и железное дерево, привезённое из Италии; сибирские яблони с мелкими, величинами с вишню, плодами и катальпа — декоративное дерево с Малаккского полуострова. Оно красиво своими широкими овальными листьями и белыми цветами.

Когда я была в питомнике осенью, то видела нежные грозди винограда, созревающие под лучами камышинского солнца. На ветках японской айвы висели ароматные плоды, похожие на лимоны. Я едва удержалась, чтобы не сорвать один: таким вкусным он мне показался.

Много я тут навиделась диких. Увидела своими глазами такое дерево, на котором растут эрехи орехи. Полубоавалась на красные, похожие на бруснику ягоды, созревшие на ветках кустарника, привезённого из североамериканских прерий. Погладила рукой бархатистую кору пробкового дерева.

Весною я опять пойду в питомник: там столько интересного, что хочется смотреть ещё и ещё.

А сейчас я хожу на экскурсии, которые помогают мне знакомиться с историей Камышина.

Нона Ляшенко

г. Камышин,
Сталинградской области.

Привет читателям «Пионера» с далёкого Севера! Живу я в Нарьян-Маре, за Полярным кругом. Жители в Ненецком округе — большей частью оленеводы, охотники и рыболовы. Земледелием занимаются мало,

потому что земля здесь неплодородная и климат холодный. Лето у нас короткое, а зима очень длинная. Зимой несколько времени мы совсем не видим солнца. Высокое дерево в наших местах расти не может: его, как ножом, срежет мороз. Выживают только кустарники и карликовые берёзы: на зиму их укутывает снег.

Я люблю ходить зимою на лыжах и читать «снежную книгу». Вот тропа, протоптанная зайцами. Я иду по следу, и он приводит меня к запорошенному снегом стогу сена. Но в одном месте из стога торчат клочки зелёного сена, а вокруг много свежих заячьих следов. Недалеке, на ветках молодых ив, видны заячьи погрызы: значит, я попал в «заячью столовую».

Иногда мне случается увидеть в лесу волчий след, а другой раз я вижу в снегу ямки: здесь, под снегом, укрывался от холода, ночевали куропатки. Куропатки прилетают к нам с морского побережья в ту зиму, когда там мало корма и очень тонок снежный покров. Я умею ловить куропаток силками.

Вот что я написал о своём родном крае. Пусть друзья ребята напишут о своём.

Ваня Лёвкин

Архангельская область,
Нарьян-Мар,
Набережная, дом 4, кв. 13.

Может быть, вам, ребята, интересно узнать, как живут в степи. Я посылаю листок из своего юннатского дневника. Здесь описано, как приходит в степь зима. Если вам будет интересно, я могу прислать описание степи и в другие времена года. А пока вот мой листок.

...Глубокая осень. Снега ещё нет, но холодно и сыро. Над степью гуляет осенний ветер, гонит по курганам и оврагам рыжее перекати-поле, ломает сухие стебли подсолнуха, волнует седые тёлги ковыля. Пустынно в степи. Прогрохочет одинокая телега, тоскливо крикнет кем-то напуганный сыч — и снова тишь да ветер.

И всё же и в эту глухую пору степь хороша. Она сохраняет суровую красоту, величавую ширь русской природы.

Всё ближе подходит зима. Пушные звери одеваются в зимние наряды. Охотники набивают патроны крупной дробью, подшивают кожей валенки, достают из сундуков тёплые шапки и полушубки.

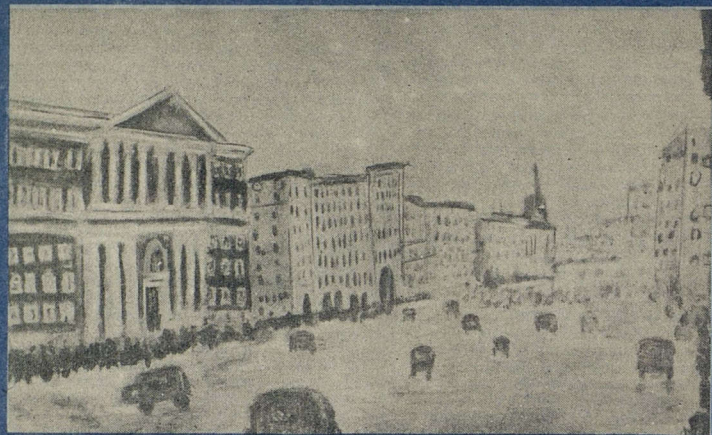
И вот просыпаешься однажды утром — за окном всё бело. Выпал снег, и любовито читать по первой пороше «грамозу», написанную четвероногими жителями степи.

Борис Попов

Полтавская область,
Каменский район,
Калитвенская средняя школа

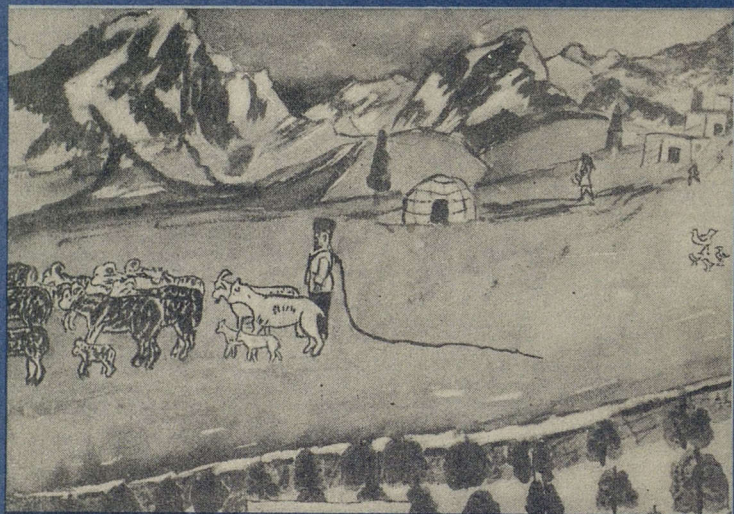

Цена 2 руб. 50 коп.

«МОССОВЕТ».

Рисунок Юлиа Лабаса

«В ГОРАХ УЗБЕКИСТАНА».

Рисунок Жени Денисова